

18+

РОМАН ТРАЧЕВ
ЗАТКНУСЬ
И ТАНЦУЙ!

Роман Грачев

Заткнись и танцуй

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7759611
ISBN 978-5-4474-1411-5*

Аннотация

2003 год. Большой миллионный город готовится к выборам мэра. Независимая радиостанция «Пилот», испытывающая творческие и финансовые трудности, заполучает нового сотрудника, способного изменить ситуацию к лучшему. Молодой и талантливый музыкант и шоумен Вадим Колесников в считанные дни выводит коллектив из анабиоза. Однако очень скоро становится ясно, что его появление – отнюдь не случайность. С приходом Вадима «Пилоту» придется ввязаться в авантюру, которой он всеми силами старался избежать.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие 2014	6
Комментарий 2023	8
Пролог	11
Часть первая.	19
Глава 1	19
Глава 2	35
Глава 3	51
Глава 4	78
Глава 5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Заткнись и танцуй!

Роман Грачев

*Когда я расстаюсь с тобой,
Качаю молча головой
И соглашаюсь даже с тем,
Что от рожденья глух и нем.
Я слов боюсь, боюсь обидеть,
Так нелегко тебя предвидеть...
Ты обижаешься на то,
Что молча подано пальто,
На то, что открываю
И закрываю молча дверь.
Ты не словам —
молчанью верь.*

Группа «Томас»

*«Почему вы не напомнили мне, что мы живем
в России?»*

Аркадий Аверченко

Дизайнер обложки Роман Грачев

© Роман Грачев, 2023

© Роман Грачев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-1411-5

Предисловие 2014

Работа над романом «Молчи и танцуй» продолжалась двенадцать лет. Первый вариант был готов в 2002 году. Он получился сыроватым. Год спустя, уже в новой редакции, роман участвовал в конкурсе «Жизнь состоявшихся людей», организованном несуществующим ныне издательством «Вагриус» и телекомпанией НТВ. Еще через год «Молчи...» заработал контракт на издание и экранизацию. К сожалению, проект не был реализован (я тут ни при чем, время было такое... сложное), но сам роман получил хорошие отзывы читателей и остался дорогим моему сердцу. Это первенец, принесший мне скромное звание литератора.

Следующие десять лет он предавался забвению и снова всплывал. Подобно вампиловскому старику Сарафанову, полжизни сочинявшему ораторию «Все люди – братья» и не продвинувшемуся дальше первой страницы партитуры, я периодически снимал текст с виртуальной полки, сдувал несуществующую пыль и редактировал. Редактирование – работа для ненормальных, и я не удивлюсь, если монтажер классического диснеевского «Бэмби» до сих пор что-нибудь в нем улучшает. Мысль не моя, но любопытная.

Дело не в моей прихоти и не в болезненном стремлении к совершенству. Проблема – в актуальности темы и пластичности среды обитания. Мы с вами живем в стране, в кото-

рой авторы беллетристики чувствуют себя гораздо увереннее и спокойнее, летая на драконах или отстреливая вампиров, нежели пытаясь адекватно отобразить реальность и уж тем более осмыслить ее. Как ни прискорбно, тонны русской классической литературы уже никого не убеждают в обратном.

Действие «Молчи и танцуй» происходит в 2003 году, когда еще существовали прямые выборы органов власти всех уровней. Сейчас за моим окном крайне сложный и заполошный 2014-й, но я не стану подгонять новую версию романа под картину дня. Пусть за минувшие годы в стране серьезно поменялись законы, пришла новая музыкальная мода, Интернет поселился в карманах наших штанов, да и люди вокруг сильно изменились – что с того? Книга не о политике, не о бизнесе и не о российской эстраде. Это не более чем декорации. И хотя кое-где в театральном заднике видны дыры и грубые швы, ваш покорный слуга виноват в том лишь отчасти. Просто мне вовремя не напомнили, что мы живем в России.

Хочется верить, однако, что вы просто получите удовольствие от рассказанной истории, не вдаваясь в детали. И к черту реальность, за ней не угонишься.

Комментарий 2023

В нынешнем году роману исполняется двадцать лет (вариант от 2002 года я в расчет не беру, он вызывает у меня изжогу). Велик соблазн как-то отметить знаменательное событие, но лучшее, что я могу сделать с материалом, это ничего в нем больше не менять. Я даже не стану выискивать последних «блох» в виде опечаток, стилистических ошибок и неверно использованных знаков препинания. Хватит с меня «Бэмби. Если обнаружите в тексте косяки, подумайте о том, что коллекционные монеты с бракованной чеканкой ценятся гораздо выше обычных.

Впрочем, кое-что придется подправить.

В честь юбилея я возвращаю роману его первоначальное название – *Заткнись и танцуй!* Не помню, почему в свое время я дал слабину и решил его смягчить – вероятно, оно показалось мне слишком экспрессивным, – но комизм ситуации заключается в том, что один из первых читателей, старый друг и коллега по радио Олег Извеков, неоднократно предлагал мне заменить слово «молчи» на «заткнись», не догадываясь при этом, что так и было задумано с самого начала. Олег, ты наконец убедил меня, что первый вариант был точным (особенно если учесть, что эту фразу в ключевой момент произносит один из главных героев).

Да, я знаю, что название не бог весть какое оригинальное.

Песни *Shut Up And Dance* есть в репертуаре групп *Aerosmith*, *Walk The Moon*, *Fiddler's Green*. У некоторых российских команд найдутся подобные треки (например, у группы Дайте Два есть более развернутое пожелание – Заткнись, пей и танцуй). А еще так называется один из эпизодов британского сериала *Черное зеркало*. Но я ответственно заявляю, что эту хлесткую фразу я впервые заметил еще в начале девяностых в альманахе *Рок-музыка в СССР* в дискографии Александра Дёмина. Доказательство прилагается ниже.

Но не суть важно. Как яхту ни называй, ее устойчивость и быстроходность зависят от силового агрегата, веса, погодных условий и множества других факторов. Молчи/Заткнись и танцуй уже двадцать лет на плаву и, судя по количеству скачиваний в Интернете, чувствует себя превосходно. А мне как автору ничего больше и не надо.

Засим позвольте откланяться и пригласить вас в дивный старый мир музыкального радиовещания, шоу-бизнеса и политических авантюр. Песни и пляски, погони и стрельба, любовь и дружба – всё на месте.

Как же молоды мы были...

своим отражают состояние одного человека и колеблются в зоне ядовитого смеха-стеба, иногда полного боли и горечи. Характерно обилие литературных реминисценций (чаще всего — Кортасар, Дилан, Сэлинджер, литература "разбитого поколения"), наложенных на реалии города, каким его видят сам Д. и большинство его ровесников. Тексты нельзя назвать "социальными" — они современны (наиболее политизированными выглядят песни из его II цикла "Тактика выжженной земли", 1987).

За программу "Грязные блюзы" на "Рок-параде" в Комсомольске-на-Амуре в 1988 Д. присвоено звание "Открытие года". В нояб. 1988 он стал лауреатом всесоюзного фестиваля "Рок-лидер" в Иркутске.

Магнитофонные альбомы: Тактика выжженной земли, 1987; Заткнись и танцуй, 1990 (совместно с группой "Зоопарк").

О. и М. Немцовы

"День и Вечер" (Ростов-на-Дону). Образованная в 1979, группа практически не меняла состава: Валерий Посиделов (гитара, вокал), Алексей Неженцев (бас), Олег Гуменов (ударные), Владимир Хоружий (гитара), Константин Мацанов (клавишные). Тексты писал Посиделов, музыку, основанную на британском ритм-энд-блюзе, пишут уча-

Пролог

12 января 1975 года

Зауралье

– Поздравляю, мамаша, мальчишка у вас получился просто ужас какой симпатичный: три кило весу, пятьдесят сантиметров в холке... По шкале Апгар я вам восьмерочку, пожалуй, нарисую. Отдыхайте... Чего? Нет, все в порядке, но несколько дней поваляться, конечно, еще придется – нам надо вас понаблюдать, послушать, пощупать, понюхать для порядку... а потом поедете домой, к папочке... Что? Где шум?... А, за окном... Не обращайтесь внимания, сегодня такая иллюминация в небе, хоть фонари гаси. Ночь просто волшебная, будто специально для вас устроена... но у вас ведь теперь совсем другие заботы, в небо будете потом смотреть, когда с коляской в парке выйдете погулять... На здоровье, на здоровье. Всё, счастливо, мамаша, до завтра...

За городской чертой зима казалась более суровой. Здесь ее не украшали вывесками гастрономов, не щекотали фейерверками и не пытались растопить солью. Здесь казалось, что зима вечна, как коммунистическая партия.

Мрачную пустыню эту, простиравшуюся, казалось, на многие тысячи километров, разрезала пополам одинокая

пара автомобильных фар. Шоссе обледелено, справа и слева простирались белые поля. Несколько маленьких светящихся точек впереди – родная деревня, единственный признак присутствия людей в этом богом забытом краю. Где-то в стороне, правда, прятался секретный военный гарнизон, но на то он и секретный, чтобы прятаться. Сверху – несколько миллиардов звезд.

Холодно.

Водитель, гнавший «Запорожец» на деревенские огоньки, не считал себя романтиком. Более того, он плохо себе представлял, что это слово означает. Он всего лишь простой механизатор: редко смотрит в небо, за исключением тех случаев, когда требуется погадать на дождь или снегопад, не читает книг и не целует жену перед сном. Нельзя сказать, что таковы все советские механизаторы, но именно этот – таков. У него проблем полон рот, какое, к черту, небо, тем более когда едешь на автомобиле, который помнит если не коллективизацию, то хрущевскую кукурузу уж точно.

Водитель спешил домой, мечтал поскорее улечься на диван и посмотреть хоккей. Сегодня бьются ЦСКА и «Крыльшки». Послушать Озерова и уснуть на диване – это как пропить редкий рублевый выигрыш в лотерею. Жизнь все-таки не стоит на месте, она, можно сказать, все время движется... от родной колхозной мастерской до сельпо и обратно, ха-ха.

Двигатель «Запорожца» внезапно умолк. Автомобиль

продолжал катиться по инерции, постепенно замедляя ход.

– Что за дела, – буркнул водитель и затормозил. Машина остановилась. Только теперь стало слышно, как тихо вокруг. Мужчина попробовал включить зажигание.

Хр, хр, хр, хр, хр, хр...

– Черт!!!

Переждал несколько секунд, попробовал еще раз.

Хр, хр... Х-хх!..

Двигатель умер. Похоже, скоро сдохнет и стартер. Водитель подергал ключ еще немного и, убедившись, что машина велела не беспокоить, открыл дверцу и вышел на воздух.

«Зараза, – подумал он, – нашла время, когда ни одна собака мимо не проедет».

Оказавшись снаружи, мужчина поежился. Сильно похолодало. Градусов двадцать против тех десяти, что были в обед, а к полуночи и до тридцатки может дотянуть. В то, что придется дожидаться полуночи здесь, на обледеневшем шоссе, мужчина не верил. Ему все-таки удастся завести строптивую железную клячу, иначе совсем нет на свете справедливости.

Он обошел машину, открыл капот. Освещения не хватало. Мужчина полез в карман. В недрах куртки находили место гаечные ключи, отвертки, пустые пачки из-под папирос и кульки с семечками. Среди этого разнообразия должен был находиться и маленький фонарик. Мужчина был уверен, что не выкладывал его с прошлой недели.

Поиски в боковых карманах результата не принесли. Во внутреннем кармане тоже голяк, так что ничего более не оставалось, как снова выругаться, зло и беспомощно, в лежащую вокруг пустоту.

«Ну, что теперь?!»

Бедолага снова обошел машину, чтобы открыть дверцу салона, как вдруг проблема решилаась сама собой. Кто-то пустил сигнальную ракету.

– Хе-ге, – сказал мужчина и посмотрел вверх. – Ох, мать...

То, что он увидел, привело его в замешательство, смешанное с восторгом. Он редко смотрел на небо, потому что не видел там ничего интересного. Сегодня, пожалуй, особый случай.

Это была не ракета. Одна из звезд, явно крупнее всех тех, что рассыпались на бескрайнем черном покрывале, намеревалась превзойти их и по яркости. И ей явно не сиделось на месте.

– Мама родная...

Крупная светящаяся точка в северо-западной части неба плавно опускалась вниз. Довольно быстро для звезды, но медленно для самолета. С каждой секундой она становилась ярче, и очень скоро стало очевидно, что водитель «Запорожца» стал свидетелем аномального зрелища.

«Орбитальная станция «Салют!» – предположил он и огляделся. Ему было почти до слез обидно, что никто больше этого не видит. А так хотелось поделиться!

– Ээээй! – крикнул он.

Тишина. Он здесь один.

Звезда снижалась. Еще через некоторое время стало ясно, что она опускается на город. Несомненно, она висела непосредственно над жилыми кварталами, а не где-то над Финляндией. Водитель «Запорожца» посмотрел на далекие и едва различимые огоньки домов, прикинул расстояние («километров на пятнадцать отъехал»), потом снова глянул на звезду. Скорее всего она «сядет» на главную площадь, аккуратно под ноги вождю мирового пролетариата, и, судя по скорости движения, произойдет это минут через пять-десять.

Что это?!

Загадочная точка сверкнула чем-то бирюзовым. Всего на мгновенье, но этого хватило, чтобы выдвинуть вторую версию, более сумасшедшую.

– Летающая тарелка, – пробормотал водитель и хохотнул. Он заставил себя опустить глаза. Присел, зачерпнул рукой снег и вытер лицо. Никакая это не тарелка, это банальная белая горячка. Теща давно говорила ему, что в один прекрасный день он допьется до таких соплей, что начнет расстреливать из охотничьего ружья соседских кур... Кхм, на то она и теща, чтобы так говорить, и в чем-то она права. Но сейчас-то он трезв!

Проделав освежающие процедуры, мужчина снова посмотрел на небо. И тут же с облегчением вздохнул: неопознанный светящийся объект по-прежнему опускался вниз. Пожа-

луй, даже увеличился в размерах и теперь-то точно смахивал на сигнальную ракету. Кто ее мог пустить оттуда, сверху, и почему она не гаснет?

– Ешкин свет, – буркнул водитель. Он смотрел на звезду широко раскрытыми глазами и не обратил внимания на рев автомобиля, раздававшийся слева. Он сделал шаг вперед, затем еще один.

Эти два шага его спасли.

Из-за холма выскочил грузовик. Он несся по встречной полосе, гремя пустым кузовом. Водитель надавил на клаксон не для того, чтобы оповестить о своем приближении. Нажатие было рефлекторным – водитель грузовика так же неотрывно пялился на светящуюся точку.

Хозяин «Запорожца» стоял уже в сугробе, когда в двух шагах за его спиной машина получила сокрушительный удар в лоб. Под скрежет металла и стон клаксона грузовик проталил легковушку на двадцать метров вперед и только потом остановился.

Маленький зауральский городок тоже все видел, поэтому серьезно отвлекся от привычной вечерней возни. Он не предполагал, что станет свидетелем чего-либо подобного, поскольку самым большим катаклизмом, случавшимся в его истории, до сих пор считался внезапный майский снегопад, похоронивший результаты апрельского коммунистического субботника. Синоптики потеряли дар речи, когда звез-

да (уже довольно внушительных размеров) повисла высоко над площадью, зато немногие имевшиеся в городе ученые успели собирать материал для своих исследований.

Сияние можно было наблюдать практически с любой точки. Все видели его по-разному: кто-то со своего балкона сквозь жидкие облачка наблюдал размытое пламя газовой горелки, кому-то мерещился кусочек радуги. Дети с замиранием сердца представляли инопланетян, зеленых человечков с большими ушами, взрослые же нервничали и звали детей домой – мало ли что там летает, вдруг упадет вниз. На несколько минут покой городка был нарушен. Светящаяся точка приковала взгляды дежурных патрулей и уличных грабителей, водителей машин и простых пешеходов. Не могли оторваться от этого загадочного зрелища и трамвайные вагоновожатые, ввиду чего в тот зимний вечер января семьдесят пятого года случилось несколько неприятных дорожных происшествий. К счастью, обошлось без жертв.

Газеты, телевидение и радио проявили традиционное единодушие – они ничего не видели. Командование секретного военного гарнизона, располагавшегося неподалеку, приложило максимум усилий, чтобы необычные атмосферные явления оставались в их компетенции. Никто и спорил. Взрывы, крушения, НЛО – всегда в компетенции людей в погонах. Всем остальным приходится довольствоваться рекордными надоями и плавками. Только одна газета, «Зауралье», позволила себе заметить, что иногда советским гражданам

не мешает задирать башку вверх – можно увидеть чертовски занятные вещи. (На следующий день главного редактора вызвали в горком и врезали по той самой башке за попытку создать нездоровый ажиотаж).

Нашлись и простые горожане, державшие в кармане фигу. Одним из них был мужчина лет двадцати пяти, худой, бледный и довольно мрачный с виду. Он сидел возле окна в собственной кухне на пятом этаже серой кирпичной «хрущевки», пил водку, закусывая бутербродами из черного хлеба с отвратительной на вкус колбасой. Рядом на табурете катушечный магнитофон изрыгал песню Высоцкого о переселении душ.

Молодой человек снимал «атмосферное явление» на фотоаппарат и бормотал:

– Счастливая звезда. Кому-то повезло сегодня...

Он снимал почти до самого конца. Только когда закончилась пленка, закурил, выпустил из носа струю дыма и приклонился к стене. Завтра он узнает, что «звезда», провисев в небе около получаса, исчезла так же неожиданно, как и появилась, и что в это время в городе родился новый гражданин Советского Союза.

Мальчик. Три кило весу, пятьдесят сантиметров в холке. «Восьмерка» по шкале Апгар.

Часть первая.

Молчун

Глава 1

Гоните «мудрых учителей»! Гоните! Они всю жизнь нам мешают.

Да-да, едва мы перестаем писать в кровать и пересаживаемся на горшок, они уже говорят нам, что мы должны делать и как должны себя вести. Они знают лучше нас, чем нам стоит заниматься с малолетства – балльными танцами, гимнастикой, фигурным катанием или игрой на баяне. Они найдут нам кружок «по нашему вкусу», они купят нам кроссовки, коньки, боксерские перчатки и даже паяльник; они поставят нас на табурет в центре зала, заставят читать стихи и будут хохотать и умиляться, потому что половину звуков мы еще не произносим, или принудят петь песенку о бабушке, хотя и музыкального слуха-то у нас нет, да и бабушку мы в гробу видали.

Они будут преследовать нас и дальше...

«Какого черта ты не слушаешь учителя математики? Тебя не интересует математика?! Хорошо, допустим. А история? Литература? Биология? А что тогда тебя интере-

сует?! Ты понимаешь, что должен учиться на «пятерки» и «четверки», если хочешь стать человеком? Ни черта ты не понимаешь в жизни, бестолочь!

А что это за плакаты у тебя висят на стене? Что это за горилла волосатая с кольцом в носу? А в наушниках у тебя что орет? Это музыка? Это – музыка?! Выключи! И нечего шлаться с этими приятелями, и что ты решишь, какие у тебя вообще могут быть проблемы в твоём сопливом возрасте? Девочка бросила? Мальчик разлюбил? В школе дразнят? Бред какой! У тебя сейчас только одна забота – ты должен (должна) учиться, учиться и еще раз учиться, чтобы стать человеком.

Да, ты должен окончить школу, поступить в институт, ты должен завести семью (мы тебе расскажем с кем именно), вы должны любить друг друга, ты должен ходить на работу, чтобы приносить оттуда зарплату, ты должен быть ответственным и не забивать голову пустыми мечтами... словом, ты всем должен, должен, должен...».

Вот так и живем с противным чувством, что кому-то все время должны. Оно разъедает душу, но мы не можем от него избавиться. Сначала мы должны своим родителям, угробившим на нас лучшие годы своей жизни; потом должны учителям в школе, у которых маленькая зарплата и своих сопливых детей полон дом; потом мы слушаем своих друзей и знакомых, потом боимся огорчить супругов и их родителей, боимся общественного мнения, боимся сделать

больно и «поступить некрасиво», нарушить установленные кем-то правила... Мы всего боимся – пугливые зверушки, постоянно испытывающие чувство вины! – а потом умираем, и ничего после нас не остается, кроме скромных цифр на могильной плите и стандартной биографии.

Гоните «мудрых учителей», я вам говорю! У вас ТОЛЬКО ОДНА ЖИЗНЬ, и пишется она без черновиков и возможности исправлений. Ступайте к своей мечте и никого не слушайте.

Только имейте в виду, что вы собрались прогуляться по минному полю, причем мины на карте указаны далеко не все. Где и какая из них взорвется, узнаете сами. Постарайтесь удержаться на ногах, если мощность взрыва окажется слишком велика».

(Из книги Глеба Шестопалова «Убегающий волк»).

Жара. Плюс тридцать два, если верить термометру на дисплее приборной доски. Плавится асфальт, задыхаются мирные граждане, мегаполис медленно сходит с ума, вымаливая у неба хоть капельку дождя.

Глеб Шестопалов поместил панель автомагнитолы на подобающее ей место, нажал кнопку под номером «1» и сразу услышал знакомый голос:

– Привет! Доброго вам утра тринадцатого июня две тысячи третьего года от рождества Христова. Это сто три и восемь эф-эм, радио «Пилот»: всегда к вашим услугам хоро-

шая музыка и веселые ведущие, а также море рекламы и всякой другой всячины. Оставайтесь с нами!

Лицо Глеба перекосила гримаса душевной боли. Обычно, если он начинает вот так кривиться, подчиненные прячутся в своих кабинетах. Гримасы Большого Босса сулили невыплату премии и отказ в финансировании корпоративных проектов.

– Бар-ран, – процедил Глеб, включая первую передачу, – уволью к чертовой матери.

Взглянув в боковое зеркало, Большой Босс притопил педаль газа, и новенькая «рено меган» цвета стоячего болота покатила по улице в сторону делового центра.

Елки-палки, это был едва ли не самый поганый год в его карьере. Если в январе еще теплились надежды на «перелом» с «прорывом» (такими терминами изобиловала речь официального консультанта и психолога, которого Глеб нашел на какой-то рождественской бирже для работодателей), то к марту от них остались тлеющие головешки. На радиостанции возникла напряженная ситуация с рекламными оборотами – следовательно, и с деньжками, поступающими на банковский счет, – а книга, которую он написал и издал на свои личные средства, почти провалилась. И если просчеты в бизнесе можно как-то нивелировать, то литературное фиаско повергало в уныние.

Жаль. Хорошая книжонка получилась.

В первую неделю продажа шла вяло: из-за отсутствия мас-

штабной информационной поддержки книжные магазины не торопились делать заказы, а лоточники и уличные торговцы, теребя в руках свежие экземпляры, недоверчиво качали головами. Изящный слоган, выданный Глебом в эфире собственной радиостанции – «Вы покупаете не то, что снаружи, а то, что внутри!» – ожидаемого эффекта не произвел. Оптовики предпочитали покупать цветные твердые обложки, украшенные воронеными стволами и женскими прелестями четвертого размера, и не выказывали ни малейшего желания поинтересоваться, что же там внутри. Очень скоро Глеб понял, что свалил большого дурака, решив штурмовать книжный рынок.

Итак, что мы имеем? Радио «Пилот» тянет немощные ручонки к кислородной подушке, тираж «Убегающего волка» загромождает офис, дочь отбивается от рук, жена... ну, хоть жена адекватная, и на том спасибо.

Глеб притормозил на светофоре, открыл окно, посмотрел в небо. Оно все такое же голубое и прозрачное, и ему все так же наплевать на наши проблемы.

Зазвонил телефон. Глеб вынул трубку из нагрудного кармана рубашки.

– Говорите, но кратко, я на перекрестке.

– Это Обухов, – хмыкнула трубка. – У меня села батарея, я с другого аппарата. Как дела?

– Ты в удобное для меня время умеешь звонить?

– Не ной. Что делаешь послезавтра, в субботу?

– Сплю. – Глеб тронулся с места. Богатый опыт телефонного общения со старым другом Кириллом Обуховым, который постоянно звонил с каких-то левых аппаратов своих охранников и адъютантов, позволил Глебу научиться ювелирно водить машину двумя пальцами одной руки.

– Спать будешь на кладбище, – продолжил Кирилл. – Приглашаю тебя в «Черепашу» вместе с женой. Хочу кое-что показать.

– Кое-что или кое-кого?

– Я просил не ныть!

– Я не ною! Если ты подсунешь мне свое очередное протее, я тебя порву.

– Какой ты нудный! Давай просто посидим, я тебя сто лет не видел. Ну?

Глеб вздохнул.

– Ладно, уломал.

– Заеду в восемь.

Глеб бросил трубку на сиденье и улыбнулся. Несмотря на то, что они с Кириллом Обуховым дружили уже почти двадцать лет, внезапный звонок приятеля очень редко его не радовал. Глеб иногда думал, что при подобных отношениях между мужчинами и женщинами браки были бы долговечнее.

Глеб подъехал к зданию, в котором находился офис радио «Пилот». Солнце палило неимоверно. «К полудню будет сорок», – подумал Шестопалов, поднимаясь по ступень-

кам на третий этаж. Лифт в этом здании, когда-то принадлежавшем малоизвестному научно-исследовательскому институту, работал через день, а то и через два, и Глеб часто хвалил себя за то, что не снял офис где-нибудь под чердаком. Третий этаж из десяти – это еще куда ни шло.

В офисе его своей обычной утренней улыбкой встретила офис-менеджер Катя, молодая брюнетка с хвостиком на затылке.

– Здравствуйте, Глеб Николаевич, – мяукнула она, выходя из-за стойки. – Чай? Кофе?

– Здравствуй, солнце. Кофе.

Глеб сразу прошел в эфирную студию, располагавшуюся в самой дальней комнате.

– Семен, привет.

Небритый и нечесаный туземец с явными признаками недосыпа, наступившего по причине обильного возлияния, вылез из-за пульта.

– Доброе утро, Глеб Николаевич.

– Ни фига доброго! После смены зайди ко мне.

Семен кивнул. Выражение, украсившее его лицо, можно было описать словами: «Завтра же брошу пить!»

Глеб больше не удостоил его вниманием. Ему не хотелось устраивать разнос прямо сейчас по двум причинам. Одна из них диктовалась профессиональной необходимостью – нельзя трогать ведущего во время его рабочей смены. Вторая причина...

– Катя, кофе!

В своем кабинете Глеб расстегнул рубашку сразу на две верхних пуговицы, бросил на стол сумку и развалился в кресле. Первый же взгляд упал на стопку упаковок с тиражом не востребовавшей книги. Уже долгое время рабочий день Шестопалова-босса начинался с унылого лицемерия этих залежей интеллектуального труда Шестопалова-писателя. От осознания вопиющей несправедливости, которую допустил по отношению к нему книжный рынок, хотелось бить посуду. И даже не было жалко потраченных денег. Глеб действительно любил свою книгу и считал ее удачной.

Раздался робкий стук в дверь.

– Да.

Вошла Катя с подносом. На нем красовались чашка кофе и блюдо с двумя бутербродами с копченой колбасой.

– Давай присаживайся и рассказывай, что новенького.

Девушка присела на краешек гостевого стула.

– Рано утром звонил какой-то человек, хотел переговорить с вами.

– О чем?

– У него какое-то серьезное предложение... это надо цитировать. – Катя уставилась в потолок. – Он сказал «предложение, от которого поднимется настроение».

– Дилер «Виагры»?

Девушка хихикнула.

– Он представился?

– Нет, сказал, что перезвонит или зайдет позже. Он вообще мало говорил.

– Ладно, подождем.

Глеб пригубил кофе – горячий, как он любил.

– Что-нибудь еще?

Катя покачала головой.

– Тогда можешь пока идти.

Когда девушка вышла, Глеб открыл папку с текущими бумагами.

Крупнейшие рекламодатели радиостанции тормознули пакеты на июль и август. По подсчетам Глеба, за пару месяцев безрыбья станция потеряет до сорока процентов запланированного дохода. Жить можно, но сократить список трат все-таки придется.

Все дело в рейтинге. «Пилот» скатывался вниз, пропуская на верхние строчки даже слабо протестированных новичков. Музыкальных радиостанций в городе насчитывалось больше двух десятков, и при такой конкуренции приходилось шевелить извилинами днем и ночью – когда спишь с женой, жарить яичницу или справляешь нужду. Почему он в свое время не пошел в кулинарное училище?

«Пора что-то менять, – сказал его друг Кирилл Обухов во время очередного „мозгового штурма“. – Хотя я на твоём месте поменял бы не что-то, а все». На это Глеб возразил, что радиовещание – это не производство виноводочных изделий и даже не сборка компьютеров. Здесь все решают

кадры, и они не стоят в длинных очередях на бирже труда и не слоняются косяками возле телерадиоцентра. Штучный товар. Если тебе повезло отыскать готового профессионала, ты должен беречь его пуще собственных яиц и прощать безременности и запои, а уж если выращиваешь таланты собственными силами, готовься потратить на это недели и месяцы.

Вот сегодня, например, Глеб собирался перекинуть на ночь непутевого ведущего Семена, которому по глупости доверил самый ответственный участок – утренний эфир. А чтобы найти замену, необходимо забыть о выходных.

Около полудня в кабинет заглянула Катя.

– Глеб Николаевич, к вам пришли.

– Кто?

– Этот, «подниматель пингвинов».

– Давай его сюда.

Катя исчезла, потом дверь распахнулась шире. В кабинет вошел молодой мужчина в сером костюме и с кейсом в руке. Глеб приподнялся, сделал приглашающий жест.

– Здравствуйте. Присаживайтесь.

Визитер уселся на первый попавшийся стул.

– Слушаю вас... э-э?

– Андрей Нестеров. Я звонил утром.

– Очень приятно. Глеб Шестопалов. Мне передали, что у вас важное дело.

Нестеров махнул рукой.

– Да, важное.

– Слушаю.

Визитер вздохнул, щелкнул замком кейса. На вид ему было лет тридцать пять, и как минимум двадцать из них он провел в упорном труде на благо Родины и семьи. Он просто излучал убежденность в собственной правоте и веру в успех. Глебу он чем-то напомнил консильери клана Корлеоне из трилогии Коппола. Такие люди с первого взгляда пробуждают невольную зависть и уважение... и сразу убивают надежду на компромисс.

«Надеюсь, до лошадиной головы в моей кровати дело не дойдет», – успел подумать Шестопалов.

– Начну с главного, – сказал Нестеров, выкладывая на стол папку. – Я представляю избирательный штаб кандидата на пост мэра города Константина Лесневского. Слышали о таком?

«Бам!» – подумал Глеб и тут же осел, как пирог в духовке при открытой дверце.

Конечно, он слышал. Константин Лесневский в прошлом году вошел в десятку самых богатых людей города. Его компания «Лес-фарм» хорошо держалась на рынке медицинских препаратов, ей принадлежала каждая четвертая крупная аптека в областном центре. Некоторое время назад физиономия Лесневского появилась в телевизионном ящике, потом стала красоваться на обложках известных изданий,

и теперь уже никого не удивляло его желание принять участие в предвыборной гонке.

Только Глебу все это нужно было как рыбе зонтик.

– Да, я слышал.

– Отлично. Мы хотим прикупить у вас немного эфирного времени. До кучи.

Глеб почесал нос. Послать его сразу, или выслушать и потом все равно послать?

– Что-то не так? – поинтересовался Нестеров.

– Ну, во-первых, мы по принципиальным соображениям не участвуем в агитационных кампаниях. А во-вторых, даже если бы участвовали, эффект от вашей рекламы у нас...

– Не спешите отвечать, – прервал Нестеров, – дослушайте до конца.

– Давайте, – сморщился Глеб. Визитер не особенно старался выглядеть душечкой.

– Это не совсем политическая реклама. Если вы ожидаете чего-нибудь вроде «Каждому старику – обеспеченную старость» или «Забота о людях – прежде всего», то могу вас уверить, что этой лабуды в наших роликах не будет.

– А что будет?

– Реклама «Лес-фарм» и препаратов, которые производит компания. Будет упоминаться фамилия Лесневского, проекты общественной значимости, только и всего. Никакой прямой агитации. А для вас это – хорошие деньги.

Нестеров улыбнулся. Впрочем, у Глеба еще оставались до-

воды.

– Ваша рекламная кампания наверняка потянет на сумму, превышающую установленные лимиты. Знаете ли, я никогда не мечтал участвовать в дискуссиях, меня не касающихся, и уж тем более мне не хотелось бы отвечать на звонки из антимонопольного и облизбиркома.

– Насчет этого не беспокойтесь, у нас работают прекрасные юристы.

Глеб развел руками.

– Итак, – продолжил представитель избирательного штаба, – мы хотели бы выходить в эфир в течение двух недель. Два раза в час, ролики по длительности не более двадцати секунд. Нам нужно первое место в блоке и...

– Стоп, стоп, подождите, – замахал руками Глеб. Нестеров умолк, оторвал взгляд от своей папки и уставился на хозяина кабинета.

– В каком месте я вас обидел?

– Насчет длительности и графика – это ваше дело. Но на первое место в блоке я вас поставить не могу, даже если сильно захочу.

– Почему?

– Потому что первые места у нас раскуплены фирмами, которые, вы уж извините, отвечают за каждое свое слово.

Нестеров, судя по виду, слегка оскорбился. «Хи-хи, – подумал Глеб, – хоть что-то приятное сегодня утром».

Впрочем, радость его была недолгой.

– Это шутка юмора, я так понимаю, – сказал гость. – Хотя, признаться, юмор несколько необычный для директора предприятия, которое испытывает финансовые трудности.

После этой фразы повисла пауза, на которой заплакал бы и сам Станиславский. Глеб услышал, как за стеной в аппаратной с кем-то оживленно ругаются рекламные менеджеры. Обсуждают неудачный ролик. Ругань стояла отборная. Пожалуй, надо будет их приструнить.

– Я понимаю ваши трудности, – продолжил Нестеров. – Рейтинг «Пилота», к сожалению, один из самых низких в городе, ваша книга – я не отрицаю ее несомненных достоинств – также продается не очень успешно, поэтому, признаться, вы меня удивляете. Уж извините.

Глеб не знал, что ответить. Нестеров был прав, скотина, и его осведомленность говорила в пользу его профессионализма. Но осадок от его слов оставался неприятный.

– Вы проделали серьезную работу, – выдавил Шестопалов. – Уверены, что я соглашусь, да?

– На восемьдесят процентов. Послушайте, Глеб, я просто-напросто покупаю рекламное время, которым собираюсь распорядиться по своему усмотрению. Лирику можете опустить. Вот, ознакомьтесь с нашим заказом.

Нестеров снова вернулся к своей папке, неторопливо вынул верхний лист и протянул его Глебу. Пока тот читал, он с невозмутимым видом разглядывал свои холеные ногти.

Через минуту Глеб отложил бумагу в сторону.

– Что-то я не догоняю. Вы берете пустяковое время, которое вряд ли вам поможет, и хотите заплатить за него столько, сколько стоит месяц прайм-тайма, хотя минуту назад мы говорили о наших низких рейтингах. Ваша машинистка нажала не на ту клавишу?

– Отнюдь. Если не доверяете написанному, могу повторить вслух. Я оплачиваю наш скромный заказ по стоимости самого дорогого времени. Более того, я рекомендую вам не оформлять по счетам всю сумму, а только ту ее часть, которая соответствует официальным расценкам. Остальное можете получить наличными и провести через бухгалтерию как покупку крупной партии сидений для унитазов.

Нестеров более чем красноречиво похлопал по своему кейсу.

– Еще интереснее, – признался Глеб.

– Ничего страшного. Просто примите предложение. Я плачу вам эту безумную сумму потому, что знаю ваше отношение к пропаганде и агитации... и, кстати, скажу, что мне приятно иметь дело с одним из немногих оставшихся в природе идеалистов.

– Откуда вы это знаете обо мне?

– От осведомленных людей. Наша страна ведь только на карте такая большая, а в действительности, как вы и сами знаете, мы живем в большой феодальной деревне с одним культурным и экономическим центром и одной эстрадной примой, о которой никто не смеет сказать дурного слова. Все

друг друга знают, все ходят в одну и ту же сауну и обмениваются женами. Разумеется, в масштабах города-миллионника дела обстоят еще проще. Вы согласны поработать с нами?

– Отказаться трудно, – сдался Глеб, – но повторяюсь...

– Хотите еще один маленький секрет? – прищурился Нестеров. – Все остальные мало-мальски значимые средства массовой информации уже разобраны другими кандидатами, из относительно независимых осталось ваше.

– Ага.

Нестеров с довольным видом поднялся из-за стола.

– Обещанная мной сумма будет выплачена по вашему звонку. Счет можно прислать завтра.

– Хорошо.

– Да, чуть не забыл! – будто бы спохватился гость. – Есть еще один момент, достаточно важный.

Шестопалов изобразил внимание.

– Через некоторое время вы сможете еще более значительно улучшить свое экономическое положение, выполнив одну нашу маленькую просьбу.

– Какую?

– Ничего противозаконного, но об этом сообщу позже.

– Когда?

– В свое время. До встречи, приятно было познакомиться.

Нестеров подхватил чемоданчик и вышел.

– Орел хренов, – пробормотал Глеб.

Глава 2

Маленький Максимка не капризничал в отсутствие матери и не просился домой, если ему велели подождать. Мальчишка рос на редкость терпеливым. Он неплохо проводил время в компании соседки тети Любы, потому что улыбчивая и даже смешная толстая тетенька водила его на детскую площадку возле кинотеатра и угощала мороженым. Иногда мальчишке казалось, что с соседкой ему гораздо комфортнее, чем с матерью, которая все чаще стала прикладывать к глазам платочек.

Вот и в этот раз, когда Лариса чмокнула Максимку в щечку и сказала, что скоро придет, он не стал возражать.

– Иди, не волнуйся, – сказала Люба, – потом сахаром отдашь.

У Ларисы сегодня намечался разговор. Она брела по тротуару и мысленно проговаривала фразы, с которыми собиралась обратиться к своим родителям. Фразы несложные, но, как это обычно бывает, нужные, заранее подобранные и расставленные в голове в идеальном порядке слова в последний момент разлетаются, как бумаги с письменного стола от сквозняка. Подлость несусветная.

Дойдя до угла родительской высотки, Лариса остановилась, посмотрела вверх. На балконе шестого этажа сушилось мужское нижнее белье – невероятных размеров трусы и май-

ки. Лариса вздохнула и направилась к подъезду.

«Значит так, – в сотый раз повторяла она, – я приняла решение и не собираюсь его менять, что бы вы мне ни говорили. Если начнете обсуждение вариантов, если решите вспомнить свою руководящую и направляющую роль, я тут же разворачиваюсь и ухожу, и внука вы будете видеть только по большим детским праздникам».

Грубовато, но иначе не выйдет. С ее родителями лучше разговаривать так – с напором и без литературных изысков. Так до них лучше доходит. Если допустить разночтения, потом намучаешься, потому что они уже немолодые люди, современных пособий по семейному строительству не читали и лекции по фэн-шую не слушали. Удивительно, как они вообще внимают своей дочери.

В лифте Лариса вдумчиво изучала абсолютно чистую стену. В этом подъезде всегда и все было чистым, никаких наклеек от «Терминатора», свастик и автографов от влюбленных мальчиков. Лариса вспомнила, как когда-то в юности пыталась нацарапать на стенке кабины свое имя. Соседи выволокли за косу и сдали родителям. За чистоту своего жилища местные аборигены боролись не жалея живота.

Лариса вышла на площадке шестого этажа, остановилась возле родной двери, замерла. Все было очень хорошо слышно. Вот отец прошаркал мимо прихожей в гостиную, включил телевизор и с довольным кряхтением уселся на диван. Мать гремит на кухне кастрюлями, кричит, чтобы не отси-

живал задницу без дела, а отец отбрыкивается – телевизор по вечерам для него свят, как вобла с пивом после бани.

Лариса нажала на кнопку звонка. Снова шаркающие шаги, ворчание матери. Лязгнул замок, дверь открылась, и Александр Никифорович Еремин, небритый, в спортивных штанах и застиранной до потери родного цвета футболке, улыбнулся.

– Лариск? Привет!

Та улыбнулась в ответ.

– Как дела? Все в порядке? – тараторил отец. – Что-то ты бледная. С Максимкой все хорошо? Не болеет?

– Все нормально, пап, не суетись. Я ненадолго.

Лариса вошла в квартиру, повесила на крючок сумочку. Мать, конечно, слышала, кто пришел, но показываться из кухни не спешила. Поднявшееся тесто заслуживало большего внимания, чем неожиданный визит дочери.

– Какими судьбами? – спросил отец, подталкивая ногой тапочки.

– Мимо шла, решила заглянуть, – соврала Лариса. – А вы чего поделываете?

– Мать вот стряпней занялась, я отдыхаю. Как там погода?

– Хорошо.

– М-м-м... – протянул отец, смущенно почесав нос. Светская беседа никогда не была его коньком, и он это знал.

– Как твои дела на работе? – поинтересовалась Лариса.

Отец махнул рукой.

– Начали задерживать зарплату. Думаю, не уволятся ли.

– Серьезно?

– А почему нет? Думаешь, пропаду? Конечно, прорабов нынче как собак нерезаных, но таких, как я – с гулькин нос.

– Согласна, – сказала Лариса. Она знала, что руки отца растут из правильного места и он всегда сумеет найти им применение. Проблемы безработицы для него не существовало в принципе. Кроме того, папа всегда легко прощался с прошлым, и, пожалуй, с ним Ларисе общаться было легче, чем с матерью.

– Проходи в комнату, – сказал Александр Никифорович, – правда, там не убрано. Эй, мать, выйди хоть поздоровайся!

В ответ из кухни донеслось злобное шипение залитой маслом сковородки.

– Ладно, пап, – сказала Лариса, устраиваясь на диване, – пусть она занимается своими делами. У меня еще есть время, я потерплю. Может, пирожков попробую.

– А Максимку с кем оставила?

– С Любкой.

Отец кивнул и направился было на кухню, но вдруг остановился у двери, внимательно посмотрел на дочь. Лариса не отвела взгляд.

– Что-то случилось?

– Почему ты так решил?

– Я лицо твое наблюдаю уже двадцать с лишним лет.

Лариса вздохнула. Отца не обманешь.

– Ладно, поймал, я расскажу, – произнесла она, глядя, как Якубович на экране телевизора примеряет казачью папаху. – Только попозже, когда мама закончит.

Отец покачал головой, но ничего не сказал.

Лариса осталась в гостиной одна. Сидела на диване и смотрела «Поле чудес», время от времени прислушиваясь к тому, что происходило на кухне. В этом доме все оставалось по-прежнему: мать возилась с кастрюлями, отец оккупировал телевизор, вечера проходили в устоявшемся неторопливом ритме. В этих стенах Лариса провела свое детство и юность. Ее теперешняя квартира, «двушка» не первой свежести в другом конце города, никогда не сможет соперничать с родительским гнездом, и это уже начинало пугать. Порой Ларисе казалось, что она никогда не сумеет перерезать пуповину и уйти в свободное плавание, потому что в родительском доме всегда было чуть теплее, чуть спокойнее. Во всяком случае, было до недавнего времени.

Вернулся отец с пакетом сока и печеньем.

– Угощайся. – Он выставил пакет на журнальный столик, взял из серванта два стакана.

– Мама когда освободится?

– Я уже освободилась.

Лариса вздрогнула. Мать стояла в дверном проеме.

– Как дела? Как Максимка?

– Все в порядке, мам, Симка не болеет.

Людмила Викторовна прошла в комнату, села на край ди-

вана. На ней был старый халат, надетый поверх ночной рубашки, и дырявые шлепанцы. Выглядела она вполне нейтрально, но Лариса догадалась, что внутри она бурлит и клокочет, как бульон на малом огне. Их последняя встреча неделю назад закончилась непристойной перебранкой, а мать всегда долго успокаивалась.

«Злопамятная, мстительная сука!» – однажды ругнулся отец, будучи не совсем трезвым. Лариске было тогда двенадцать лет, она очень хорошо запомнила эту краткую характеристику, дающую ответы на очень многие вопросы, и в своей взрослой жизни неоднократно получала подтверждения ее точности.

– Отец сообщил, что у тебя есть какой-то разговор, – без всяких вступлений начала мать. – Мы сначала поедим, обсудим погоду?

Лариса поежилась.

– Можно обойтись без светских приличий, но и драку мне устраивать не хочется.

– И не надо, – вставил папа.

Лариса помолчала, переводя взгляд с матери на отца. «Когда что-то буксует в дружной семье, – подумала она, – виноватым не может быть кто-то один. Как правило, виноваты бывают все... или какие-нибудь природные явления».

– Вы просверлите на мне четыре большие дырки. – Лариса залпом осушила стакан с соком и с шумом поставила его на столик. Вспоминать заготовленные фразы ей

не пришлось. – Игорь появится в июле-августе. Я думаю, что не позже.

– И что? – спросила Людмила Викторовна.

– Ничего особенного. Я не хочу его видеть.

Отец прокашлялся, мать вздохнула. Пауза была зловещей.

– Я собираюсь забрать Максимку и исчезнуть, – продолжила Лариса.

– Может, не стоит пороть горячку? – сказала мать.

– Стоит. Ради сына – стоит.

– Прикрываться заботой о сыне – это так современно.

– Я не прикрываюсь, я только о нем и думаю!

– Ой, как пафосно! – Мать поднялась с дивана, подошла к серванту. Сейчас она начнет глотать свои таблетки, вздыхать и изображать измученную сердечными ранами старуху, до которой никому нет дела. «Включите камеры – мама страдает! Премия Оскар за лучшую женскую роль».

– Ты хорошо подумала? – спросил отец.

– Да, очень хорошо.

– А как мальчишке без отца в таком нежном возрасте?

Лариса закатила глаза.

– Папа, о чем ты говоришь! Он уже три года без отца!

Мать, вытряхивавшая на ладонь таблетки из маленькой бутылочки, бросила на дочь гневный взгляд.

– Хочешь еще хуже сделать? На улице ведь окажешься, с голым задом после стольких лет!

– А у меня есть выбор?!

– Не кричи!

– Буду кричать! Визжать буду! Пусть одной, пусть на улице, но без него. Игорь все профукал, абсолютно все – и меня, и мальчишку своего, и наш дом. Да, он биологический отец, но не больше. Или вы считаете, что отцом можно считать любого, кто сумеет засунуть, высунуть и встретить возле роддома? Ну, тогда извините...

Александр Никифорович почесал мочку уха.

– Да, джентльмен тот еще, конечно, – согласился он, – но, с другой стороны, не совсем потерянный для общества мужик, да и выбрала ты его сама. Куда смотрела-то?

Лариса не ответила, вскочила с дивана, подошла к окну и устоялась на улице. Опять потекли слезы. «Плакса ты несчастная, рева-корова!» Она не хотела, чтобы старики это видели. Кроме того, пыталась скрыть и свою злость.

Плакать и злиться было от чего – золотые слова наконец прозвучали. «Мы тебе говорили, но ты не слушала, упиралась. Теперь, когда прижало, примчалась с поджатым хвостом. Будешь знать в следующий раз. Мы рады, что так вышло, мы оч-чень рады!»

– Пинаете лежачего, – промолвила Лариса, кое-как справившись с эмоциями. – Ваше любимое занятие.

– Погоди...

– Нет, это ты подожди, пап! – Она повернулась к ним лицом, продемонстрировав черные разводы под глазами от расплывшейся туши. – Получили свое мясо с кровью, теперь

помолчите. Я и без вас знаю, что ошиблась. У меня должен быть рыцарь на белом коне, а вышло черт знает что... Бесхребетный и безответственный пацан, да еще и хулиган. Я три года надеялась, что он возьмется за ум, три года не спала ночами, выучила наизусть телефоны всех вытрезвителей и моргов. Мама, ты и представить себе не можешь, что это такое, потому что твой муж никогда так не поступал.

– Твой папа меня по-другому изводил.

– Не важно, у каждого свои тараканы. Но всему есть предел. У Игоря были шансы, только он их не использовал, и я не могу бесконечно начинать с чистого листа.

Лариса перевела дух, шмыгнула носом. Родители молча смотрели на нее.

– Удивлены? Ну да... я долго молчала, потому что скорее себя подставляю, чем сдам вам вашего зятя. Сами воспитали. Как там у вас принято? «Был бы мужик с руками-ногами и семья в полном составе, стерпится-слюбится». А я не хочу гробить свою жизнь на человека, который не знает чего хочет, торчит в кабаке в то время, когда у меня давление, а у сына – жар. Пьяные поцелуи с утра, «прости, дорогая, больше не буду», а потом все сначала. Устала я, вы можете понять?! Мне двадцать пять лет всего!

Родители продолжали молчать.

– Можно было бы разобраться с его пьянками и с прочим, – продолжила Лариса, – но моего сына он ничему не может научить, ничего не может ему дать, потому что его ба-

гажник пуст! Одно дело дружить и гулять, другое – строить семью, и если бы я шесть лет назад хоть чуть-чуть переждала, не была бы сейчас женой балбеса, отсидевшего срок за хулиганство. Пусть он сам выплачивает свои долги и ущерб, а я скидываю вещи в чемодан, забираю Максимку и исчезаю. И это больше не обсуждается.

Лариса вернулась на диван, взяла пакет с соком и сделала несколько больших глотков из горлышка. Безмолвию родителей пришел конец.

– Где собираешься прятаться? – спросил Александр Никифорович.

– Сниму квартиру.

– Это дорого. На что вы будете жить?

– Жили же как-то раньше.

– Но... – Отец осекся. Ему казалось, что решение проблемы лежит на ладони. – Может, вам пожить у нас?

– Хочешь наблюдать сцену долгожданной встречи?

– Не знаю, не уверен. Но все-таки мне кажется, что у Максимки должен быть отец. Пусть я старомоден, но...

– Ты прав. Отец должен быть, и он будет. Но не Игорь.

Эта последняя фраза Ларисы подключила к разговору мать.

– Шлюх нам в семье еще не хватало!

– Что?! – Ларису передернуло. – Что ты сказала?!

– Что слышала! Я не позволю тебе на глазах у моего внука блядовать с кем ни попадя!

У Ларисы глаза сделались круглыми. Такого от своей родной матери ей слышать еще не приходилось. Пожалуй, и ее отцу тоже. Это климакс?

– Люда, ну ты тоже, елки зеленые! – воскликнул Александр Никифорович.

– Спасибо, мамочка, – процедила Лариса, опасаясь, что опять расплачется. – Я поняла, что ты хочешь сказать. Ладно, я пойду, пока Максимка не начал капризничать.

Она поднялась и направилась в прихожую.

– Подожди! – попытался остановить отец.

Лариса сбросила тапки, накинула на плечо сумочку. Она удерживалась от истерики каким-то чудом.

– Перестань, не горячись! – крикнула мать.

– Все в порядке, мамуля! – Лариса, готовая к выходу на улицу, снова появилась в комнате. – Ни черта вы обо мне не знаете. И ни черта вы не поняли. Мне двадцать пять лет, у меня муж непонятно кто, на руках – пятилетний ребенок, а вдобавок ко всему еще и любящие родители. А я жить хочу не хуже других, и чтобы меня дома встречали с улыбкой и вкусной котлетой. Господи, я забыла, когда трахалась в последний раз!... Да что я вам объясняю!..

Она рванула к выходу.

– Лариса!..

– Пока! – бросила она и вылетела в подъезд, хлопнув дверью.

Возле баров и забегаловок на проспекте скапливалась молодежь. Лариса долго искала свободную лавочку, искала любое место, где можно было отдышаться. Вскоре она его нашла. Она почти с разбегу плюхнулась на скамейку, приютившуюся под мохнатой и запыленной елью, положила сумочку на колени, вытащила пачку сигарет. Кое-как справившись с дрожью в руках, прикурила от зажигалки и уставилась в темно-синее небо.

Послать всех... Денег на первое время хватит, вещей не так много, чтобы снаряжать для переезда грузовик. Есть неплохие варианты по съему квартиры – оплата невысокая, от работы недалеко. Вот только с мебелью не густо, но это можно как-то пережить. В общем, все не так уж и безнадежно, главное – не поддаваться панике и не суесться.

На самом деле Ларисе очень хотелось поддаться панике. Более того, хотелось забиться в угол, накрыться одеялом и часок-другой пореветь. Она довольно долго надеялась, что может позволить себе расслабиться и переложить решение проблемы на чужие плечи. В качестве спасательного круга в ее мыслях возникал какой-нибудь большой мужик с волосатой грудью и большими руками, говоривший раскатистым басом и кутивший «Беломор». Такие большие и добрые мужики всегда знают, что нужно делать, они не станут рассуждать о смысле жизни в тот момент, когда требуются решительные действия. Собственно, для этого они и существуют.

Лариса шмыгнула носом и заплакала. Большого и добро-

го мужика у нее не было даже в проекте, все приходилось делать самой и при этом стараться, чтобы никто не заметил стаю голодных кошек, скребущих на душе.

– Вам плохо? – донеслось справа.

Она не отреагировала. Не услышала.

– Девушка!

Лариса повернулась на голос. У края скамейки стоял невысокий молодой человек в светло-голубой рубашке навыпуск и джинсах. В руках он держал фирменный пакет магазина одежды с чем-то круглым и высоким внутри, похожим на пластиковую бутылку.

– Все в порядке.

«Сколько раз сегодня я произносила эту фразу?» – подумала Лариса.

Молодой человек нерешительно подошел ближе. Лариса уловила запах дорогого одеколона.

– Мне показалось, что вам нехорошо.

– Вы ошиблись, – ответила Лариса и в подтверждение своих слов громко шмыгнула носом.

– Вижу, – улыбнулся незнакомец. – Чтобы так скуксить-ся на проспекте Ленина возле кафе «Солнышко», нужны серьезные причины. Я не помешаю?

– Нет. – Лариса перестала плакать, докурила сигарету и бросила ее в урну. Незнакомец смотрел на нее изучающе, но не слишком настырно. Он был довольно хорош собой.

– Вы, наверно, куда-то спешили, – сказала молодая жен-

щина, раскрыла сумочку, достала зеркальце. – Со мной уже на самом деле все порядке, спасибо.

Парень ничего не ответил. Лариса опустила зеркальце, посмотрела на него и увидела улыбку во всю физиономию.

– Я догадываюсь, о чем вы думаете, – сказал он.

– О чем?

– О кофе.

В первую секунду в голове у Ларисы мелькнуло: «Чертовы пикаперы!» – но затем она с удивлением обнаружила, что не отказалась бы от большой чашки горячего латте.

– Я угадал?

– Ну... не знаю. Возможно. Но это не повод, чтобы...

– Не стесняйтесь. Я вас приглашаю.

Лариса дала себе на размышление всего несколько секунд. Она слишком устала, чтобы сопротивляться. Не все ли равно, с кем она выпьет сейчас этот гребаный кофе?

– Я не откажусь, молодой человек, но хочу сразу предупредить...

Незнакомец замотал головой.

– Девушка, это просто кофе. А если у вас проблемы со временем, я с удовольствием поймаю для вас такси. Говорится?

– Вполне. Только такси я могу и сама поймать. – Лариса поднялась со скамейки. – Откуда вы вообще взялись, такой шустрый?

– Шел мимо, – пожав плечами, ответил парень.

В темно-синем «опеле», припаркованном у обочины, сидели двое. Водитель нажимал на кнопки автомагнитолы, пассажир на переднем сиденье курил и смотрел на двери кафе «Солнышко», за которыми только что скрылись молодые люди.

– Это он и есть? – спросил пассажир, выпустив струю дыма.

– Ага, – ответил водитель. – Не похож?

– Не фонтан, прямо скажем. Такого я бы одним ногтем.

– Ага, давай, только Палыч тебе потом все ногти повывидирает.

– Знаю. Он где-то здесь живет?

– Угу, внутри квартала. У него вечерами одна и та же дорожка, так что если захочешь на него еще раз поглазеть, приезжай сюда завтра.

– Работает здесь?

– Да, на складе.

– Где?!

– На оптовом складе, шампунь отпускает, – хохотнул водитель. – С его-то талантами! Ты видел, как он девку склеил? Тебе такую месяц придется окучивать, и то не даст.

Он наконец отыскал интересующую его программу. В эфире резвилась Бритни Спирз.

– Кстати, вот тебе радио «Пилот». Люби и жалуй.

– Понятно, – отозвался пассажир.

– Слушай, Серый, поехали. Я свое дело сделал, показал его тебе, остальное меня не касается.

Серый задумчиво пошлепал губами, сделал две затяжки и выбросил сигарету в окно.

– Поехали.

Через минуту машина вырулила на середину дороги и помчалась к перекрестку.

Глава 3

Вечером в субботу под окном остановился белый «лэнд-крузер», покрытый внушительным слоем пыли. С высоты третьего этажа он напоминал перештампованный БТР, пропахавший не одну сотню километров под палящим солнцем пустыни. За рулем монстра сидел Кирилл Обухов.

Глеб вздохнул.

– Наташ, Толстый приехал, – сообщил он, закрыв дверь балкона. – А я-то надеялся, что передумает.

– Не дожدهшься, – отозвалась из соседней комнаты жена, – он никогда не отменяет вечеринок.

Глеб прошагал в прихожую, открыл входную дверь и высунул голову. С площадки первого этажа уже доносились тяжелые шаги Кирилла. Вскоре появился и он сам. Несмотря на свою роскошную комплекцию, пять лестничных пролетов он преодолел в считанные секунды.

– Здорово, лентяй, – сказал Кирилл, протягивая мясистую руку, – пусти, не загораживай проход.

– В туалет торопишься?

– Как догадался?

– Чую запах мокрых штанов.

– Подлец. – Кирилл скинул массивные башмаки под вешалкой. В доме своего старого друга он никогда особо не церемонился, если хотел раздеться, надеть тапочки или посе-

тить уборную. Также он не ждал приглашения пообедать, принять душ или посмотреть по телевизору бокс. Подобные вольности укоренились с незапамятных времен, когда еще оба они не были женаты и на свои стипендии покупали докторскую колбасу общего пользования.

– Кстати, – сказал Кирилл, прежде чем скрыться за дверью туалета, – кого это ты Толстым назвал?

Глеб расплылся в довольной ухмылке.

– Хватит скалиться, собирайтесь. Наташ, надень мое любимое платье.

На сборы ушло минут двадцать. Наталья решила не потакать вкусам приятеля и надела простые черные джинсы и розовую блузку. Глеб натянул свой старый серый пиджак. Кирилл, придирчиво оглядев обоих, поцокал языком.

– Смахиваете на мелких лавочников после дефолта.

– А твой наряд от Версаче! – отмахнулся Глеб.

– Недалеко от него. Так, всё, пошли, а то опоздаем к началу.

В машине Глеб долго молчал. Он никак не мог отвязаться от мысли, что затея с рекламной кампанией кандидата в мэры Лесневского выйдет ему боком. Эти загадочные взгляды представителя избирательного штаба, эти намеки... Глеб обещал подумать, но думать и принимать решение уже второй день категорически не желал. Сложность заключалась в том, что сказать «нет» он не мог – какой дурак откажется от богатых заказчиков, – но от общения с политиками, тем

более местными, его тошнило. Нестеров нисколько не ошибался, называя его одним из последних живых идеалистов.

– Чего скис? – поинтересовался Кирилл.

– Цейтнот, – прямо ответил Глеб и тут же пожалел об этом. Сейчас начнутся допросы.

– Пилот завел самолет в штопор?

– Вроде того. По Гэллапу мы на пятнадцатом месте, вперед пропустили даже областное радио с его надоями.

– Нашел кому верить, Гэллап! – усмехнулся Кирилл, не особенно демонстрируя сочувствие. – Но, впрочем, они могут быть правы. Что делать собираешься?

– Пока не знаю. Возьму себе тайм-аут.

– Правильно, подумай об этом завтра.

– Сомневаюсь, что у меня и завтра что-то получится.

– А ты попробуй. – Кирилл утопил педаль газа и обогнал еле плетущуюся «копейку». – Кстати, если хочешь, могу подогнать кого-нибудь из своих знакомых, им реклама не помешает, да и деньги есть.

– Спасибо. Один тут уже сел мне на хвост, купюрами перед носом размахивал, замуж звал.

– Ну и дери с него три шкуры.

– Ты не знаешь кто. Лесневский остатки недобитых СМИ подгребает под свою авантюру.

Кирилл хмыкнул, ударив ладонью по рулю.

– Нашел-таки тебя! А я-то думал, что пронесет. Дери с него пять шкур, Глебушка, беднее не станет.

Шестопалов улыбнулся. Кирилл всю жизнь вытаскивал его за шиворот из любых ям, даже когда у них были практически равные шансы на успех. В конце концов эту радиостанцию Глеб открыл на деньги Обухова.

– Чего лыбишься? – спросил Кирилл.

– Мне кажется, ты прав, – сказал Глеб, – твоя попа шире.

Они подъехали к автостоянке, располагавшейся возле большого гостиничного комплекса. Заляпанный грязью джип Кирилла с трудом протиснулся в узкий проем между «вольво» и «десяткой». Выйдя из машины, Глеб посмотрел на новенькую, сверкающую «десятку» и с улыбкой произнес:

– Киря, посмотри, как надо любить свою машину.

Телефон зазвонил вовремя – в двадцать пятьдесят пять. Ребята явно не были обременены интеллектом, но нажимать на кнопку вызова в нужный момент они умели. Со временем научатся еще чему-нибудь.

Трофимов выключил звук у телевизора и не спеша взял трубку.

– Алло!

– Пал Владимыч, это Сергей.

– Слушаю тебя.

– У нас все путем. – Голос Серого звучал спокойно, даже немного расслабленно. Трофимов представил его развалившимся на сиденье автомобиля с сигаретой в зубах и бутылкой «Миллера» между ног. Супермен хренов...

– Конкретно давай.

– Только что подъехали Шестопаловы со своим толстым другом, выгрузились и вошли в клуб.

– А парень?

– Тот давно внутри. Кстати, он не один.

– С кем?

– С девицей. С той самой, что мы вчера засекли.

– Выяснили, кто такая? – Трофимов был уверен, что они так и не накопили нужной информации, но счел уместным задать этот вопрос. Чем больше вопросов, тем выше дисциплина.

– Нет, Пал Владимыч, – прогудел Серый. – Мы решили, что это случайная знакомая, которую он снял на вечер, поэтому проверять не стали. Сегодня пробьем.

Трофимов отвел трубку в сторону и выругался. Насколько они предсказуемы, эти джентльмены удачи с большой дороги! Как их ни одевай, сколько телефонов ни навешивай, клеймо трудного чердачного детства все равно не смоешь.

– Сереженька, – сказал Трофимов в трубку, – тебе хорошо платят?

Собеседник стал дышать чаще.

– Я доволен.

– Прекрасно. А я тебе говорил, что парень не снимает девок на улице по вечерам?

Серый хрюкнул и попытался возразить:

– Но он же снял! Мы подумали...

– Сережа, – перебил Трофимов, начиная злиться, – думать буду я.

Секунд пять трубка только шипела, затем Сергей с неохотой согласился:

– Я понял.

– Ладно, проехали. Завтра я должен знать, что это за девушка и в каких отношениях она с нашим орлом. Как понял, прием?

– Понял вас хорошо.

– Молодец. По готовности докладывай.

Трофимов положил трубку и поднялся с кресла. Голова раскалывалась. Сожрать бы сейчас цитрамону, завалиться спать и проснуться через неделю где-нибудь в раю...

Они наконец приступили к реализации его гениального плана. Трофимов потратил на его разработку кучу времени, сил и здоровья и только теперь понял, как сильно устал. Пожалуй, это возраст – как-никак шестой десяток идет.

Он прошел на кухню, открыл холодильник и достал бутылку водки и тарелочку с ломтиками лимона. Сгодится как замена цитрамону. Сегодня у Трофимова долгий рабочий день. Он не знал, сколько времени потребуется, чтобы раздобыть свежую информацию, – час, два, или все десять, – но сегодня что-то определенно сдвинется. Он будет сидеть в своем кожаном кресле, смотреть записанный на видео хоккейный матч сборных СССР и США семьдесят второго года и пить горькую. Больше ему пока заняться нечем.

Наблюдая за финтами Харламова, Трофимов невольно размышлял о последствиях в случае провала игры – *своей* игры. Для этого бестолкового Серого и его дружков он был большой шишкой, но они и понятия не имели, чем он рискует. На самом деле Трофимов являлся всего лишь исполнителем заказа. Пусть тот виртуозный номер, который он собирался исполнить, был от начала и до конца придуман им самим, заказчики в случае неудачи могли устроить ему эффектное торнадо.

Пал Владимыч смотрел хоккей, пил водку и думал, что он, возможно, погорячился.

Ночной клуб «Черепаша» разместился в бывшем двухэтажном универмаге, большом и немного неказистом квадратном здании, на строительство которого советские архитекторы и чиновники не пожалели ни денег, ни творческой мысли. Кроме того, магазин когда-то был частью большого гостиничного комплекса – серой и облупленной двадцатиэтажной высотки с рестораном, в котором заезжие туристы и командировочные опустошали свои кошельки. В пасмурную погоду все это великолепие навевало тоску, но на солнце, лучи которого радостно отражались в окнах и витринах, выглядело вполне сносно и даже как-то продвинуто.

После вторжения рыночных отношений посетителей в гостинице и ресторане стало гораздо меньше. С годами ресторанчик зачах, и один из городских толстосумов, недолго

думая, прибрал его к рукам. Гостиницу он привел в относительный порядок, с чистой совестью нарисовав три звезды на рекламном проспекте, а из ресторана соорудил что-то вроде досугового центра, составными частями которого стали большой супермаркет, сауна-центр, боулинг на восемь дорожек и концертно-танцевальная площадка под названием «Черепаша» на четыре сотни посетителей. За несколько месяцев это комплекс стал едва ли не самым крупным развлекательным заведением города.

Кирилл усадил своих гостей за столик в самом дальнем углу зала.

– Программа начнется через час, – сказал Обухов, протягивая Наташе меню, – а пока нужно пожрать и чего-нибудь выпить.

– Ты за рулем, – напомнила Наташа. Музыка на танцплощадке уже грохотала вовсю, поэтому приходилось повышать голос.

– За нами приедут! Глебушка, ты что будешь?

Глеб поудобнее устроился в своем дерматиновом кресле, вытянул ноги под столом и ответил томно:

– Мне, пожалуйста, коньячку.

Женственной походкой к столику причалил официант, принял заказ и быстро удалился. Наташа заказала себе салат из свежих помидоров и огурцов, жареный картофель с окорочками и кофе по-восточному. Глеб выбрал шашлык, горбушу и салат из кальмаров. Кирилл вообще набрал себе вся-

кой всячины, из которой самым знакомым блюдом Наталье показались свиные отбивные.

Первая часть заказа была исполнена за десять минут. К салатам официант подал графин коньяка, бутылку молдавского вина и бокал темного «Гиннеса». Кирилл сразу отпил треть пива, закурил и с деловым видом обратился к Глебу:

– Пока не стало совсем хорошо, вернемся к нашим баранам?

– Вернемся, только я сначала отработаю свою часть обязательной программы

Глеб налил супруге вина, себе плеснул коньяку. Они дружно чокнулись, выпили. Глеб снова вальяжно развалился в кресле.

– Насколько я понял, – начал Кирилл, – у нас на «Пилоте» не самые лучшие времена?

– Плюс-минус. Бывало и хуже, но рынок сейчас выталкивает мелочь. Скоро останутся одни крупные холдинги, нам с тобой придется продать станцию и уйти в партизаны.

Кирилл покачал головой.

– Не каркай. Хочешь, я тебе еще денег дам?

– Не раскручивай инфляцию, ты уже порядком вложил.

– То было совсем другое дело. – От Кирилла не так-то легко было отбиться, если на него нападали приступы филантропии. – Хотя, признаюсь, мне тоже будет мучительно больно, если «Пилот» умрет молодым.

Глеб тоже закурил.

– А что касается твоего Лесневского, – продолжил Кирилл, – то пусть крутится сколько влезет, лишь бы платил.

– Да он платить и не отказывается, даже наоборот... – Глеб осекся, решив умолчать о странном предложении по оплате. – Просто меня воротит от всего. Это тот редкий случай, когда деньги пахнут, и запах будет меня преследовать повсюду.

– А жить тебе хочется? Извини, Глеб, но ты рассуждаешь как нищий студент, у которого забеременела подружка, а он сидит и думает, идти ему разгружать вагоны или не идти, испортит он свои нежные пальчики или не испортит, не пойдет ли это вразрез с его убеждениями. Я бы этого студента просто убил. А ты?

Глеб ухмыльнулся. Выпитая рюмка коньяка уже резвилась в голове.

– Я бы его для начала кастрировал.

– Садист. А теперь представь себя на его месте. Ты позаботишься о подружке или пошлешь ее к мяснику на аборт? Я не поэт, так что скажу прозой: иногда лучше рисковать забеременеть, чем не трахаться совсем.

Кирилл, за любым столом и в любое время года по умолчанию являвшийся тамадой, быстро наполнил освободившиеся сосуды, поднял свой и с пафосом изрек:

– За избавление раба божьего Глеба от сомнений!

Шестопалов опрокинул вторую порцию коньяка одним глотком. Стало еще веселее. Хоть и бывало, что директор

радио «Пилот» просыпался после какого-нибудь праздника в чужой квартире со всеми признаками алкогольной амнезии, пьяницей себя он не считал. Будучи студентом, он закладывал за воротник куда больше. Но как все-таки хорошо посидеть в ресторане с приятелем, у которого когда-то стрелял пачку «Родопи» до стипендии!

– Я гляжу, – сказал Кирилл, орудуя вилкой, – Глебыч приходит в себя.

– Почти, – согласился тот. – Вчера я пересадил с утра на вечер одного своего балбеса, и вот если Дашка Парамонова справится с утренним вещанием, я буду счастлив, как корова «милки вэй».

– Молодец. Семена давно пора гнать, у нас не социальный приют.

Кирилл прикончил пиво и взглядом поискал официанта. Его неугомонная натура требовала продолжения банкета.

Принесли горячее. Очень скоро коньяк в графине подошел к концу, в голове у Глеба лохматые белые зайчики играли в теннис.

– Закусывай, – велела Наташа, когда перед ним поставили тарелку с шашлыком. – Закусывай, а то окочуришься раньше времени.

– Да-да, – подтвердил Обухов, – закуси, а потом потрясем животиками.

С горячими закусками управились быстрее, чем с салатами. Вторую порцию спиртного пока заказывать не стали.

Кирилл вышел из-за стола, снял свой пиджак «от Версаче» и сделал приглашающий жест.

– Натусь, пойдем потанцуем.

– Спасибо, пока не хочется. Возьми лучше моего, а я на вас погляжу отсюда.

Приятели вышли на середину танцплощадки. Молодежь, оттягивавшаяся под что-то современное, недовольно расступилась. Тучная фигура тридцатилетнего Кирилла Обухова и высокий и худой, как телеграфный столб, Глеб Шестопалов выглядели среди подростков довольно комично.

– Пам-парам-парам, – орал Кирилл, – сейчас будет моя музыка!

– Ты уверен, что тебе этого хочется? – напрягая связки, прокричал Глеб.

– На все сто.

Кирилл щелкнул пальцами (или махнул кому-то рукой – Глеб толком не понял, потому что зайчики в его голове уже выходили на матч-пойнт), и игравшая песня плавно затихла. Молодежь не успела даже выразить свое негодование, как музыка заиграла вновь, только теперь уже совершенно другая.

«Ах ты, какая прелесть!» – успел подумать Глеб.

Из колонок ударили барабаны, звук электрической гитары накрыл танцплощадку, как вой бомбардировщика.

– Погнали! – заорал Кирилл.

Он начал дрыгать ногами и вскидывать свои мясистые руки в разные стороны. Глеб последовал его примеру. Они танцевали под «Криденс».

– Это же просто праздник какой-то! – кричал Шестопалов. – Боже, сколько лет я этого не делал. Когда ты успел договориться?

– Вчера. Надо знать, кому наливать!

Приунывшая молодежь расступилась окончательно, и теперь в распоряжении двух «старичков» оказалась почти вся площадка.

– А-а-а, бляха медная!!!

Кирилл летал от одного края к другому, и пузо его колыхалось, как холодец. Глеб пересекал квадрат по другой траектории. Завсегдатаи клуба в одно мгновение превратились в зрителей и, право, посмотреть было на что. Мужчины развились, словно обезумевшие от восторга дети в городском фонтане, энергия била через край.

«В этом ты весь! – говорила молоденькая Наташа Шестопалова своему мужу. – Твои усилители, раздолбанные гитары, пластинки старые. Куда это все девать теперь? Что за блажь, не понимаю?»

Вряд ли она до конца понимала и сейчас, но по крайней мере старалась помалкивать. Она сидела за столиком, пила вино и смотрела на «пляшущих человечков» с умилением.

– Я сейчас вырублюсь! – взвизгнул Глеб, пролетая мимо приятеля. Его действительно уже немного заносило. Кирилл

тоже выдыхался, и это было заметно по ручьям пота, блестящим на его шее, и по промокшей рубашке.

– Врагу не сдастся наш гордый варяг!

Вторую половину короткого танца приятели дефилировали в центре площадки, толкая друг друга локтями. Когда в воздухе повис последний звенящий аккорд, оба в едином порыве торжествующе вскинули руки.

– Да!!!

Раздались аплодисменты, кто-то два раза крикнул «браво». Глеб и Кирилл театрально раскланялись и вернулись на свои места.

– Вы это заранее отрепетировали? – спросила Наталья, подавая Кириллу платок.

– Да, лет пятнадцать назад, в общежитии. Кстати, как мы смотрелись?

– Как два пьяных орангутана в песочнице.

– Глеб, не расслабляйся, – сказал толстяк.

– Что? Еще плясать будем? Ты хочешь, чтобы я сдох?

– Нет, теперь мы будем слушать. Программа начинается.

Действительно, прожекторы над танцплощадкой погасли, сцена осветилась приятным голубоватым сиянием. В тишине раздалось шипение дымовых установок, густые клубы белесого дыма поползли со сцены в зал. Минута была более чем торжественная.

– Это, собственно, то, ради чего я вас сюда притащил, – сказал Кирилл. – Ловите кайф.

Глеб налил себе немного минеральной воды, которую предусмотрительно заказала Наташа, и сделал осторожный глоток.

– Леди и джентльмены! – прогудел из мощных колонок низкий голос. – Мы рады приветствовать вас в клубе «Черепашка».

Пауза. Пространство заполнил звук, похожий на рокот огромного механизма. Глебу живо представилась сцена из «Титаника»: сотни кочегаров в машинном отделении перекидывают уголь. По спине поползли мурашки – как профессиональный звукорежиссер Глеб обожал подобные эффекты.

Мужчина с низким голосом заговорил вновь:

– Наслаждайтесь нашей сегодняшней программой и ураганным звуком, обеспеченным компанией «СТК». Мы работаем для вашего удовольствия!

– Спасибо, – пробормотал Кирилл, указательным пальцем подзывая официанта. Когда тот подошел, Кирилл сделал новый заказ: – Дружище, повтори для моего удовольствия кружечку темного. Да, и коньячку еще принеси. Пожалуйста.

Официант ушел. Таинственный голос заканчивал свою интродукцию:

– Сегодня на сцене – группа «Темная половина»!

Глеб только успел усмехнуться, как вдруг яркий луч света рассек пространство над сценой. Под лучом стоял человек в длинной белой рубашке, черных кожаных брюках, с мик-

рофоном в прижатой к бедру руке. Никто не заметил, когда он появился, и его появление было настолько эффектным, что Глеб не смог съязвить.

Впрочем, вместо него это сделал Кирилл:

– Типа Джексон из табакерки.

Василий Стручков не был очень хорошим журналистом. Он все время куда-то опаздывал, где-то терялся, назначал встречи, забывал о них, не успевал монтировать сюжеты в указанный срок и слыл девяностопроцентным обалдуюем. В телекомпании его терпели, потому что на оставшиеся десять процентов у Васьки приходились отличные скандальные материалы, подготовка которых не требовала большого ума. Также Василий неплохо справлялся с интервью и небольшими очерками. Но все-таки, по большому счету, журналистом он был никаким.

Вдобавок ко всему парень стал частенько прикладываться к бутылке. Коллеги и немногочисленные друзья полагали, что причиной тому стал отказ руководства компании выделить ему эфирное время для собственной передачи. Почти все его однокурсники, попавшие в компанию вместе с ним, уже настряпали кучу авторских программ с различной степенью успеха, а Вася бегал по городу с микрофоном, выискивал какие-то какашки и пытался сделать из них конфеты. Тоска подступила незаметно.

Вчера главный редактор информационной службы вызвал

его в свой кабинет и томным голосом сообщил, что генеральный директор телекомпании «Неон-ТВ» Семен Семенович Соколовский, да продлит Аллах его годы, готовит масштабное сокращение штатов, и под раздачу первым делом попадут граждане алкоголики и тунеядцы. Не заметив просветления на лице гуманоида Стручкова, редактор сунул ему в руки бумажку с адресом и уже довольно грозно пообещал, что лишит его ушей и ноздрей, если Вася не появится по этому адресу в точно определенное время. «Делать особо ничего не надо, – сказал редактор, – закажи себе минералки, посиди, посмотри, потом расскажешь». Вася запихал бумажку в недра своей куртки и в тот же день надрался так, что наутро его физиономия напоминала помятую и захватанную жирными пальцами хлопчатобумажную салфетку. За весь сегодняшний день ему так и не удалось привести в порядок свой портрет, и более ничего не оставалось, как банально опохмелиться двумя бутылочками пива.

Разумеется, на входе в клуб «Черепаша» его задержали.

– Я корреспондент телекомпании «Неон-ТВ», – возмущался Василий, пытаясь прорваться сквозь строй крепких парней в униформе. – У меня здесь дело.

– Фэйс-контроль, братишка, – вежливо сообщил главный охранник.

– Какой, нах, фэйс-контроль! Я вам сейчас удостоверение покажу. Мне работать надо!

– Рабочий день давно закончен.

Вася отступил на пару шагов, отдышался. Из недр клуба доносились громоподобные раскаты танцевального ритма.

– Ну, ребята, пропустите. В конце концов я заплачу за билет.

– Не поможет. – Охранники были достаточно терпеливы, за каждую свою трудовую вахту они отсеивали с десятков таких заморышей, как Вася.

– Но там уже программа давно идет! – взмолился Стручков. – Я и так уже опоздал!

– Твои проблемы.

Вася набрал в грудь побольше воздуха и ринулся на охранников. Те встали плотной стеной, и в одно мгновение корреспондент «Неон-ТВ» был отброшен от дверей метра на три.

– Ну, сволочи, – процедил Стручков, – вы у меня попляшете. Я пожалуюсь вашему начальству! Нет, я на вас, козлов, разгромный материал сделаю!

Один из плотных ребят вышел вперед, подхватил журналиста под руку и подтолкнул к выходу.

– Пойдем-ка на воздух.

Вася пытался упираться, но охранник был раза в два крупнее, что позволяло ему вышвырнуть дебошира на улицу одной рукой.

– Куда ты меня тащишь, мудака! – орал Стручков, скользя ботинками по крыльцу. – Неприятностей хочешь?!

– Неприятностей на свою задницу заработал ты, – ответил секьюрити и развернул Васю лицом к себе. – Жалуйся, если

хочешь.

С этими словами он коротко размахнулся и вlepил репортеру эффектную оплеуху. Вася перелетел через перила и рухнул под крыльцо, как мешок с овощами. Папка на молнии, которую он секунду назад держал в руке, оказалась на нижних ступеньках.

– Ты там в порядке, брателло? – вежливо осведомился охранник.

– Пошел ты!

– Я очень рад. – Секьюрити отряхнул руки, поправил ремень и отправился восвояси, а Василий Стручков еще долго сидел на траве и потирал ушибленную ляжку.

* * *

Выступление группы «Темная половина» продолжалось минут тридцать. Собственно, группа состояла из двух человек – певца и гитариста. Длинноволосый жлоб с гитарой носился по сцене, как угорелый, и довольно умело развлекал публику, вокалист же практически не двигался.

– Тот еще выпендрежник, – сказал Кирилл в паузе между песнями. Глеб молча кивнул.

Ребята спели семь песен. Первую, похожую на русский эквивалент ритм-н-блюза, публика приняла довольно прохладно. Вторая песня представляла собой лирическую балладу о неразделенной любви: слова были так себе, а мелодия Гле-

бу понравилась.

– Ты его знаешь? – поинтересовался Шестопалов у приятеля.

– Этого парня? Практически не знаком.

– А чьи песни он поет?

– По-моему, свои.

– Молодец, – резюмировал Глеб.

Третья песня «Темной половины» заставила скучающую молодежь шевелиться, а чуть позже к танцплощадке потянулись даже сидящие за столиками. И снова мелодия оказалась на высоте. Глеб подумал, что для молодежной самостоятельности это слишком хорошо. Четвертая песня...

Что ж, «Темная половина» оставила свои главные вещи напоследок. Четвертая, пятая, шестая и седьмая песни произвели на Глеба неизгладимое впечатление. За все время, что он был директором музыкальной радиостанции, ему пришлось прослушать десятки кассет и дисков с записью местных исполнителей, но в основном ему попадались амбициозные малолетние графоманы и подражатели, научившиеся управляться с компьютером и овладевшие вокальными навыками на уровне школьного хорового кружка. Впрочем, эти местечковые «звезды» все же каким-то чудом просачивались на радио и телевидение, давали интервью и пытались выглядеть при этом как суперкассовые голливудские персоны: носили черные очки, ноги закидывали на подлокотники кресел и разговаривали исключительно с калифор-

нийским акцентом. Словом, ребята категорически отказывались взрослеть.

Но этот парень не был на них похож. Он держался естественно, даже немного отстраненно, и всем своим видом как бы говорил: «Мы тут еще маленько попоем, отработаем ужин, а потом свалим, потерпите». Все было очень мило и скромно, почти без пафоса.

– Кирилл, – обратился Глеб к приятелю, – ты иногда преподносишь сюрпризы. Я, пожалуй, тебя потом поцелую... если захочешь.

Каждая из последних песен была абсолютным хитом. Зал остался доволен. Закончив выступление и собрав причитающуюся порцию аплодисментов, ребята покинули сцену. Концертный свет погас, продолжилась дискотека.

– Ну, как тебе? – поинтересовался Кирилл. Глеб только кивнул головой – он еще не успел облечь свои мысли в точные фразы.

– Я думаю, – продолжил Обухов, – что ротация на радио «Пилот» могла бы сделать этого парня любимцем местной публики.

Глеб ухмыльнулся:

– Его надо сделать любимцем всероссийской публики. Ему бы денег побольше... Вот ты бы, Киря, взялся его раскручивать на всю страну?

– Нет.

– Бабла жалко?

– Пацана жалко. – Кирилл с невозмутимым видом принялся ковыряться в своей тарелке. – Я бы тебе посоветовал присмотреться к мальчику. Знаешь, «Пилот» в последнее время достает даже меня, твоего друга и почитателя.

* * *

Вокалист группы «Темная половина» оказался довольно стеснительным молодым человеком, не знающим, куда девать руки. Он то совал их в карманы, то принимался усердно тереть рукав и все время смотрел куда-то в сторону. Тот холодный супермен, который полчаса назад зомбировал со сцены танцующую молодежь, куда-то исчез.

– Двуликий анус, – сказал Глеб жене.

– Янус, болван, – поправила Наташа.

Рядом с парнишкой стояла девушка с длинными темными волосами, а из-за ее плеча выглядывала ухмыляющаяся физиономия Кирилла, похожая на репу с просверленными дырочками.

– Познакомьтесь, – сказал он, вылезая вперед. – Это Вадим, а это его подруга Лариса. Они, оказывается, собирались еще посидеть в этом заведении, и я решил пригласить их за наш столик.

– Так вот куда ты удрал! – воскликнула Наталья. – Мог бы и предупредить, мы бы хоть стулья раздобыли.

– Не беспокойтесь, – вымолвил Вадим, – мы о себе поза-

ботимся.

Судя по виду, заботился он о себе без особого энтузиазма – старые полинявшие джинсы и пеструю рубашку дополняли помнившие перестроечный голод башмаки. Лариса выглядела куда более привлекательно.

– Не обращайтесь внимания на мой наряд, – сказал Вадим, перехватив изучающий взгляд Глеба. – Это временные обстоятельства.

Глеб махнул рукой. Кирилл к этому моменту уже соорудил два лишних стула.

– Вадим, Лариса, – обратился к молодым людям толстяк, – теперь вы познакомьтесь с моими друзьями. Вот этот высохший кукурузный початок, что на вас пялится, называется Глебом Шестопаловым. Рядом с ним – моя любовница и по совместительству жена кукурузного початка по имени Наталья. Она хорошая женщина, но вот с супругом ей явно не повезло.

– А этот расфуфыренный индюк – по несчастью, мой друг Кирилл, – парировал Глеб. – Садитесь, ребята, нечего стоять. Они уселись за столик.

– Что пьете, Лариса? – спросил Глеб.

– Спасибо, ничего.

Глеб покачал головой.

– Давайте не будем скромничать. Я вам налью пока минеральной воды, а потом вы сами определитесь. Вадим, я надеюсь, ты составишь мне компанию?

– Пожалуй, – отозвался тот.

– Ну, тогда по коньячку!

Первый тост выпили за знакомство. Взгляд Вадима, ранее блуждавший по окрестностям, теперь сфокусировался на обитателях столика. Лариса пока оставалась немного скованной. Глеб без труда определил, что знакомы они с Вадимом не очень давно и наверняка это их первый выход в люди. Однако некоторые едва заметные «косяки», перехваченные Глебом, свидетельствовали о том, что тащить ее силой не пришлось.

После второй рюмки, выпитой за творческие успехи, Глеб аккуратно запустил в действие свои профессиональные щупальца:

– Вадим, ты где-то еще выступаешь?

– Бывает.

– А где записываешься?

– В домашней студии у приятеля.

– Недурно звучит. Кстати, мне понравилось.

Кирилл вовсю перешептывался с Ларисой. То ли рассказывал похабные анекдоты, то ли щекотал под мышками, но она начала хихикать. Вадим с беспокойством поглядел в их сторону.

«Она ему тоже нравится», – решил Глеб.

– Слушай, Вадик, – продолжал он, – ты с радиовещанием когда-нибудь соприкасался?

– Особо нет.

– А попробовать не хочешь?

Вадим неожиданно улыбнулся, и эта улыбка навела Глеба на мысль, что парень прекрасно знает, зачем он здесь. Вадим полез в задний карман, вытащил компакт-диск и протянул его Глебу.

– Хочу вам подарить кое-что свое. Это не намек, а просто презент.

– Бери, бери, – вмешался Кирилл, – хороший диск. Я слушал.

Вопреки обыкновению, Глеб не сморщился, принимая подарок, и не фыркнул, ознакомившись с содержанием обложки диска: здесь у «Темной половины» тоже все было в порядке, на достаточно профессиональном уровне.

– Спасибо. Ну, тогда уж позволь и мне тебе кое-что презентовать.

Глеб тоже полез в карман пиджака, вынул маленькую книжку и положил ее на стол. Он всегда носил с собой экземпляр «Убегающего волка». На всякий случай.

– Подпишу тебе свое творение, а ты подпишешь мне диск. Идет?

Вадим кивнул:

– Диск уже подписан.

Глеб посмотрел на него пристально, цокнул языком, но ничего не сказал.

Когда обмен культурными ценностями был завершен, Кирилл наполнил бокалы и сказал тост:

– За процветание каждого из нас в отдельности и всех вместе! За перспективы!

Выпили, закусили. Потом Глеб наклонился к Вадиму и шепнул:

– Если не хочешь испортить мне настроение, советую не обращаться ко мне на «вы». Договорились?

Тот смутился.

– Договорились. – Парень сделал паузу. – Глеб, я могу помочь с книгой.

«И об этом Толстый успел ему рассказать!» – подумал Шестопалов.

– В каком смысле?

– Ну... чтобы она продавалась.

Глеб ничего не ответил, только наградил испепеляющим взглядом своего упитанного приятеля. Кирилл всегда был трепачом.

– Какой у нее тираж? – спросил Вадим.

– Осталось около четырех тысяч. У тебя есть идеи?

Вадим неопределенно пожал плечами: дескать, надо смотреть на месте.

Какой-то он странный, этот маленький супермен, подумал Глеб.

В половине второго ночи компания вышла из клуба. Кирилл настоял на том, чтобы Вадим и Лариса уселись в его чумазый джип, место водителя в котором уже занял хму-

рый мужчина, похожий на офицера в отставке. Ребята долго сопротивлялись, уверяли, что доберутся на такси, но они не знали, что если Кирилл Обухов чего-то хотел, то он этого добивался любыми средствами. В результате их запихнули в машину почти силой.

Едва обуховский монстр покинул клубную стоянку, куривший на крыльце парень в черной ветровке достал телефон и набрал номер.

– Алло, Пал Владимыч, это Серый... Можно праздновать... Похоже, получилось. Уехали только что, все пятеро. По-моему, они нашли общий язык... Да, я понял... Ага. Все, до завтра.

Глава 4

Слушайте, а кто вы вообще такой, чтобы вас уважали, любили и принимали за Человека с большой буквы?

Вот вы стоите перед зеркалом, изучаете собственное отражение и приходите к выводу, что Матушка Природа, создавая вас, периодически отвлекалась на просмотр «Санта-Барбары» или, того хуже, «Кармелиты». В результате у Мамаши вышло черт знает что: глаза косят, губы слишком толстые, уши, наоборот, как у крысеньиша... ну и так далее. «Кому я нужен?! – думаете вы, стряхивая с лацкана пиджака остатки вишневого варенья. – Ничего у меня не получится!».

Что ж, вы правы, ни черта у вас не выйдет при такой любви к самому себе».

(Из книги Глеба Шестопалова «Убегающий волк»).

Проснувшись, Лариса не сразу поняла, где ночевала. Чужой диван, чужие запахи и незнакомый потолок, нависающий над головой. И люстра какая-то не такая. Где она?

Из кухни донеслось шипение сковородки...

Это вообще ни в какие ворота: Лариса уже подзабыла ощущения, когда ты просыпаешься, а на кухне что-то готовится, шипит и источает сладкие ароматы в твое отсутствие. Что там может готовиться, когда я – здесь?!

Лариса взглянула на часы. Ее поджидал еще один сюрприз: будильник недвусмысленно намекал на то, что матери-одиночки уже давно на галерах.

Двенадцать часов!

Ее моментально охватила паника. Где она должна сейчас находиться? Где?! Детский сад, магазин, репетиция... Господи, она всюду опоздала, опоздала, она плохая мать!

Рывком откинув одеяло, она села на кровати и тут же обнаружила, что практически голая, если не считать трусиков, больше, впрочем, похожих на носовой платочек. Лифчик висел на стуле, рядом со спортивными штанами хозяина квартиры.

Тьфу ты, йо-майо! Надо ж было так набратсья!

Лариса покраснела.

Насколько она помнила, это была очень неплохая ночь, весьма и весьма... Они с Вадимом долго гуляли, обошли дом раз десять. Парень немного рассказал о себе. Мать его живет в Кургане, а отца он в сознательном возрасте не застал, потому что папашка оказался слабонервным малым и смотался, как только мокренький Вадим устроил первый в своей жизни сольный концерт.

«Хиленькие мужички пошли», – подытожил парень.

Вместо отца у него был некий дядя Петя, проживавший на той же лестничной площадке в квартире напротив. Пожалуй, о дяде Пете Вадим говорил больше, чем может заслуживать обычный сосед.

– Он возился со мной как с собственным дитятей: водил в цирк, на футбол, а иногда брал с собой на работу, в какой-то непонятный институт, где мужчины носили бороды и очки, а женщины не снимали резиновых перчаток. Мне с ним было интересно. Наверно, папашка мой не был таким.

Потом они посидели на качелях во дворе, и когда Лариса пожаловалась на ночную прохладу, Вадим пригласил ее подняться домой.

Ну, в общем, согрешила мать-одиночка.

Вспомнив, что сегодня воскресенье и сын остался с де-душкой – папа все-таки согласился посидеть с ним, пока она развлекалась, – Лариса испытала легкое чувство стыда. Наверно, мама была права: она безответственная молодая ле-ди, для которой воспитание собственного ребенка – тяжелая обязанность. Мама всегда оказывается правой.

Лариса упала на подушку и уставилась на книжные полки: Гоголь, Шекспир, Кинг... Маринина. Когда они пришли сю-да, Вадим долго еще что-то рассказывал, показывая свое жи-лище, достаточно ухоженное и уютное для съемного, но она не особенно вслушивалась и всматривалась. Ей просто хоте-лось ласки и тепла... и она сама сделала первый шаг. О, как давно она этого не делала! Ее настойчивость и смелость бы-ли удивительны для нее самой, но Вадим почему-то вызывал у нее безграничное доверие, ему достаточно было посмот-реть на нее ободряюще, сказать пару ласковых слов, и она таяла, как мороженое в ладошках Максимки.

Невероятно, но они знакомы всего два дня!

Сейчас он войдет в комнату, и она встретит его вот так, без одеяла, в одних трусиках. Просто восхитительно.

Вадим появился через пару минут. На нем была длинная рубашка, застегнутая на нижние пуговицы, а в руках он держал поднос.

– Привет, – сказал парень, аккуратно ставя поднос на диван. Разумеется, он сразу оценил открывшееся ему зрелище. – Тебе не дует?

Лариса сладко потянулась.

– Я тут тебе кофе приготовил. Ты пьешь кофе по утрам?

– Пью. А чем это так вкусно пахнет?

– Это?... Ну, это типа какие-то сэндвичи с сыром получились, не знаю. Хочешь позавтракать в постели?

Лариса уже давно решила, что она это сделает.

– Тогда сядь поудобнее, – посоветовал Вадим, пододвигая поднос. Лариса села, подтянула одеяло до пупка (выше – ни за что!) и зевнула. Однозначно, это самое прекрасное воскресное утро за несколько лет.

– У тебя есть еще какие-то дела сегодня? – спросил Вадим.

– Угу.

– Важные?

– Угу.

Он почесал лоб. Лариса, увидев его разочарование, приостановила жевательный процесс. Конечно, нельзя просто

взять и обломать такого рыцаря, нужно хотя бы объяснить.

– Вадик, не обижайся, у меня Максимка с дедом целый день сидит, скучает.

Вадим будто бы спохватился:

– Да, конечно, тебе надо идти, я не буду задерживать.

Лариса кивнула. Кофе оказался так себе, обычный растворимый и, кажется, даже бразильский.

– Ларис, ты не спеши, я тебе еще сделаю, у меня сыра много.

– Нет, спасибо. Я съем парочку, и хватит. Мне нельзя, а то я танцевать не смогу.

– А когда у тебя следующая репетиция?

– Сегодня вечером.

Лариса вчера рассказала ему, что ведет танцевальный класс во дворце культуры железнодорожников и время от времени сама танцует в концертных программах. Профессия накладывает свои ограничения: не валяться на диване, поменьше трескать мучного и не злоупотреблять алкоголем. «Мы нашли друг друга, – сказал тогда Вадим. – Тебе не кажется, что это судьба?» Вчера она промолчала, а сегодня была просто счастлива... и к черту нюансы.

Увидев грусть на его лице, Лариса снова перестала жевать. Совершенно очевидно, что он рассчитывал на новую встречу, но настаивать не хотел. Вадим с самого начала показался ей странным – от лихой смелости при знакомстве на улице возле кафе «Солнышко» до невообразимого смущения

в ночном клубе была дистанция огромных размеров, но он преодолел ее в два счета

– Что-то не так?

– Нет-нет, все в порядке.

Лариса вздохнула.

– Вадик.

– М?

– У тебя самого какие планы сегодня?

– Пока никаких, а вечером меня к себе позвал Глеб. Хочет показать мне свою студию.

– Вот видишь, мы сегодня оба при делах.

– Ага.

И все-таки он расстроился.

Лариса доела оба бутерброда, допила кофе и отодвинула поднос в сторону. Полностью откинув одеяло, она встала на корточки и подковыляла к Вадиму, взяла его за плечи, поцеловала в щеку.

– Спасибо, милый.

– На здоровье, – простодушно ответил Вадим.

– Я не об этом. Спасибо тебе за встречу и все остальное.

Это было здорово.

Она поцеловала его в губы и пошла собираться.

Все время, что она провела в ванной и перед зеркалом в прихожей, Вадим сидел на диване. Лишь когда она нацепила туфли и повесила на плечо сумочку, он нехотя поднялся.

– Ну, я пошла.

Он стоял у косяка и не предпринимал никаких попыток попрощаться.

– Ты мой номер не потерял? – спросила она.

– Нет.

– Позвони мне... знаешь когда... – Лариса произвела в уме сложные вычисления, – вечером, часиков в шесть. Сможешь?

Парень кивнул. Тут бы им и попрощаться, но Лариса снова приблизилась к нему.

– Вадичка, – начала она, тщательно подбирая выражения, – мне тоже не хочется, чтобы... чтобы все закончилось двумя вечерами. Веришь?

– Да.

– У меня сейчас очень много разных дел, и я себе не принадлежу. У меня сын. – Она запнулась. Ей не хотелось говорить про мужа, который вот-вот вернется из тюрьмы. – И ему хочется видеть маму почаще. Понимаешь?

– Конечно.

– Я знаю, что ты понимаешь. Давай не будем спешить, посмотрим, как сложится.

Вадим начал улыбаться.

– Хорошо, давай посмотрим.

Лариса не видела его улыбку, потому что смотрела на пуговицы его рубашки.

– Ты же не считаешь меня легкомысленной, верно?

– Упаси боже!

– Вот и хорошо.
Она его поцеловала.

Окраину города власти не жаловали. Депрессивная и серая, слякотная, мрачная, хотя и гораздо ближе к природе, чем задыхающийся в автомобильных пробках деловой центр, но все равно отрицательно влияющая на психическое здоровье, окраина финансировалась по остаточному принципу и облагораживалась крайне медленно. Когда в центре росли новые высотки, бизнес-центры с зеркальными витринами, гремели кинотеатры, ночные клубы и парки аттракционов, несчастная городская «галерка» получала с барского плеча новый автобусный маршрут с двумя машинами на целую линию или приобретала за счет средств налогоплательщиков долгожданную линию электропередач, позволяющую осветить улицу. Немудрено, что именно окраина регулярно поставляла городу полки отборных люмпенов.

Но случались и приятные неожиданности – одна из них, например, как раз на следующий день после концерта группы «Темная половина» в ночном клубе «Черепеха».

Когда солнце уже перекаатилось на западную половину неба, во двор одной из серых пятиэтажек въехала грузовая «Газель». Она опоздала, во дворе полным ходом шли какие-то загадочные работы. Из машины высунулся бородатый мужчина.

– Эй, пацан! – обратился он к первому попавшемуся мест-

ному жителю. – Это Калмыкова, пять?

– Да.

– А что тут у вас творится?

– Это у нас детский городок строят.

– Кто строит?

– Кирилл Сергеевич.

– Кто?

– Обухов.

– Понятно.

Экспедитор залез обратно в кабину.

– Едрит твою... опять он!

Машина развернулась и остановилась на углу дома. Экспедитор выпрыгнул на газон, сунул под мышку папку с бумагами и направился во двор.

Работа кипела. Десяток мужчин в оранжевых комбинезонах устанавливали качели, песочницы и турники. Еще несколько человек занимались рассаживанием елочек по периметру, а две немолодые женщины красили уже установленные возле подъездов скамейки. Местные жители – в основном, ребята и старики – крутились рядом и открыто выражали одобрение.

Определить, кто руководил работами, не представлялось сложным. Этого человека можно было увидеть издали – большого и внушительного, со светлым ежиком волос и телефонной трубкой в руке. К нему экспедитор и направился.

– Здравствуйте. Похоже, нам с вами тесно в миллионном

городе.

Толстяк смерил его любопытным взглядом, почесал телефоном щеку.

– Вы – Обухов?

– Ну.

– И что вы тут строите?

Кирилл сделал широкий жест рукой: дескать, сам видишь.

– Кто позволил? – продолжал допрос экспедитор, не желавший мириться со своим опозданием.

– Управление по благоустройству, администрация района. Фамилия Платонов что-нибудь говорит?

Экспедитор чертыхнулся. Тот же самый Платонов неделю назад одобрил план возведения детского городка по улице Калмыкова, дом пять, но только никакого Обухова там не стояло даже в коридоре. Резолюция поставлена на бумагах, представленных предвыборным штабом кандидата в мэры Константина Лесневского.

– Вы тоже куда-то баллотируетесь? – спросил экспедитор. – Мы уже второй раз на вас натыкаемся.

Кирилл вскинул брови.

– В смысле – «баллотируетесь»?

– Ну, в смысле, что мы здесь от Лесневского. Это его благотворительный объект, вот бумаги.

Настала очередь Кирилла фыркать. Он лишь мельком взглянул на документы, потом повернулся к одному из своих рабочих и прикрикнул:

– Эй, ребята, аккуратнее там! Если эта хрень грохнется, нам потом самим памятник поставят.

Экспедитор напомнил о своем присутствии покашливанием.

– Кхм, господин хороший, как будем разруливать?

– Не знаю, – бросил Кирилл. – У меня все пробито в администрации, ищите другой двор.

– Да вы-то с чего тут развернулись?! – не выдержал бородач. – Вы кого представляете?

Кирилл неторопливо сунул в зубы сигарету и столь же неторопливо ее поджег.

– Себя. – Он кивнул на дом. – У меня тут племянница живет.

– У вас племянница вроде в другом районе жила.

– Здесь еще одна. У меня их две. Ищите другой двор.

– Какой?!

– Не знаю, вон хоть соседний, там все крапивой поросло. – Кирилл полез в карман за бумажником. – На вот тебе денежку, купи своим орлам квасу и приступайте.

Экспедитор только плюнул себе под ноги, развернулся и ушел. А Кирилл продолжал отдавать команды:

– Ровнее держи, ровнее! Вот эту хрень вон туда поставь, под деревом. Там ей самое место.

В Центре делового сотрудничества в это воскресенье наблюдалось небольшое столпотворение. Возле двухэтажного

здания, второй десяток лет служившего и концертным залом, и местом собраний аквариумистов, припарковались десятки автомобилей. В основном это были «бюджетки» журналистов, и только в самом удобном месте, помеченном знаком, оставили свои «мерседесы» VIP-персоны.

Сегодня здесь проходила пресс-конференция Константина Лесневского, одного из кандидатов на должность мэра. О ее проведении было объявлено еще неделю назад, но особую активность проявили лишь журналисты независимых средств массовой информации, а с таковыми в городе давно наблюдалась напряженка.

Лесневского не считали фаворитом. Более того, наблюдатели предрекали ему одно из последних мест. Мутный бизнесмен с нерусской фамилией – так про него обычно говорили в кулуарных междусобойчиках. Если раньше ходили легенды про дружбу Лесневского с действующим мэром Поповым, то теперь, перед выборами, эта дружба, разумеется, накрылась медным тазом. «Знающие люди» рассказывали: когда Лесневский накладывал свою лапу на аптечную сеть, непосредственную помощь и поддержку ему оказал именно Попов. Как они делили прибыль, насколько крепки были их отношения, никто доподлинно не знал, но в своих выступлениях городской голова обычно тепло отзывался о Константине Палыче, который «снова оказался равнодушным к нуждам и проблемам города». Теперь же Лесневский и Попов не упускали случая наподдать друг другу по первое число.

Ходили и другие слухи, еще более нелицеприятные. Например, о том, что Лесневский когда-то находился под следствием по какому-то темному делу о вымогательстве. О том, что во время приватизации сорвал неплохой куш через чекový инвестиционный фонд. И, наконец, говорили, что он может быть причастен к некоторым крупным заказным убийствам. Что из этого правда, а что пахнет откровенными мистификациями, знал только сам Господин Фармацевт. Рядовым избирателям, разумеется, был представлен идеально отреставрированный фасад: промышленник, аккуратный налогоплательщик, благотворитель, радетель, умница.

Но писаки его все равно не любили.

Лесневский восседал за столиком под огромным плакатом с изображением какой-то чрезвычайно озабоченной женщины, напоминающей знаменитую Родину-мать. На этом плакате Родина призывала несознательных граждан определиться со своим выбором: либо ты, как и прежде, почесываешь пузо, лежа на диване, либо завтра тебя ждут чистые улицы, ровные дороги и оплаченная тарелка супа. Лозунг, начертанный поверх головы Большой Матери, был соответствующим – «Выбери будущее».

Справа и слева от Лесневского сидели его помощники, деловитые и сосредоточенные. Конференц-зал на сотню мест был заполнен лишь на треть, если не считать гвардии телеоператоров, сгрудившихся у стены.

– Дамы и господа, – обратился к собравшимся помощник

кандидата, – у нас с вами будет тридцать минут на вопросы по существу дела и еще некоторое время на беседу о смысле жизни. Вам были выданы пресс-релизы, в которых указаны биографические данные о Константине Павловиче, о его профессиональной и общественной деятельности. На сегодняшний момент это наиболее полная информация, какую мы можем вам предоставить. Начнем, пожалуй.

Когда помощник сел, с небольшим вступительным словом выступил сам кандидат. Он повторил то, что было озвучено уже не раз. Что-то вроде краткого содержания своих мыслей относительно перспектив фармацевтического рынка и судьбы города.

– А теперь ваши вопросы.

Журналистская братия прошелестела брошюрами, поскрипела креслами, кто-то прокашлялся. Оживление все никак не наступало.

– Я не кусаюсь, – сказал кандидат, и тут все увидели, какая у него очаровательная улыбка.

С последнего ряда поднялся молодой журналист.

– Василий Стручков, телекомпания «Неон-ТВ». У меня к вам такой вопрос, Константин Палыч. Насколько серьезно ваше желание стать мэром и как вы сами оцениваете свои шансы на победу?

Лесневский напрягся.

– Серьезность моих намерений, – начал он, разглядывая авторучку, – подтверждается тем, что мы сегодня здесь с ва-

ми беседуем. Это первое. Шансы на победу у всех кандидатов примерно одинаковые. Это второе.

– Не могу согласиться с вами, – сказал Вася, держа в вытянутой руке диктофон. – Рейтинг нынешнего мэра Дмитрия Попова, если верить социологам, достаточно высок. Кроме того, остальные участники предвыборной гонки производят впечатление людей более влиятельных в политической и экономической жизни города. Что же стало побудительным мотивом вашего решения баллотироваться?

Лесневский дернул губами. Журналисты уже замечали раньше, как забавно у него это получается: левый уголок рта поднимается вверх, нижняя губа вытягивается вперед, и все вместе это напоминает не то ухмылку, не то попытку матюкнуться. Вероятно, на имиджмейкера фармацевтический барон так и не раскошелился.

– Как вы понимаете, дополнительная реклама в СМИ мне не особенно нужна, – сказал он, оставив в покое свои губы. – Компания «Лес-фарм» работает с десятками регионов по всей стране, мы хорошо развиваемся, а здесь мы, что называется, и так в своей тарелке. Стало быть, подозрения в попытках дополнительно раскрутить свое имя беспочвенны.

Стручков не унимался. За вчерашний бенефис в клубе «Черепаша» ему в редакции накрутили хвост, и сейчас он был очень зол. Впрочем, он не мог задать вопросы, которые вертелись у него на языке: «Кто вас ведет? Кто у вас крыша? Москва одобрила вашу кандидатуру, в конце концов?!» –

и оттого злился еще больше.

– Как вы намерены совмещать работу в компании и деятельность на посту главы города в случае вашего избрания?

– Так же, как это делали до меня и будут делать после мои коллеги.

– Вы не считаете, что приход во власть представителей крупного бизнеса... эээ... чреват.

– Чем?

– Чреват тем, что... – Василий запнулся. Он не мог спросить в лоб: «Тебе что, денег мало, скотина, хочешь город по-новому перекроить?» – но и изображать из себя дилетанта тоже было непросто. – ...Ну, скажем, чреват нежелательными последствиями для общества.

Лесневский усмехнулся.

– Я убежден, молодой человек, что приход во власть людей компетентных, состоявшихся и уже сделавших успешную карьеру в бизнесе чреват только положительными последствиями. Вы помните, чем закончилось для нашей страны правление непрофессионалов, единственным достоинством которых было наличие партбилета в кармане. Сегодняшней Россией должны руководить экономисты, бизнесмены, интеллигенция.

Василий скучился. Он еще некоторое время постоял с вытянутой рукой, как нищий на паперти, потом сел. Поблагодарить кандидата он не соизволил.

Журналисты немного оживились. С первого ряда подня-

лась девушка с длинной косой и в очках.

– Наталья Степанова, газета «Новости». Константин Павлович, озвучьте, пожалуйста, основные тезисы вашей предвыборной программы.

Команда Лесневского зашелестела бумагами.

– Главное направление – социальное. Кроме того, как экономист и предприниматель я предполагаю...

Лесневский говорил минут пять. Журналистка Наталья Степанова уже была сама не рада, что затронула эту тему. Она стояла, сунув свободную руку в подмышку, и нетерпеливо притопывала ногой, пока бизнесмен рассыпал пригоршни цифр. Пару раз она пыталась вставить короткое «спасибо», но у нее получалось лишь «спаси...» – дальше снова шли цифры.

Наконец Лесневский закончил. Степанова поспешила сесть на свое место.

Следующий вопрос задал корреспондент одной мелкой радиостудии, рейтинги которой были еще ниже, чем у «Пилота».

– Скажите, Константин Павлович, вас устраивают результаты распределения эфирного времени в программах областной телерадиокомпании для предвыборной агитации?

– Вполне.

– А вам не кажется, что кандидаты находятся в неравных условиях? Кто-то располагает собственными информационными ресурсами, а кто-то должен довольствоваться тем, что

выделяет горизбирком.

– Я не могу отвечать за разумность и правильность мироустройства. По большому счету, все в пределах существующего законодательства, если не считать того, что самыми мощными ресурсами располагает действующий глава города господин Попов. С ним, как вы понимаете, соревноваться трудно, но мы все же попытаемся.

– Спасибо.

Запала журналистов хватило еще минут на десять. Лесневский отвечал на их вопросы почти нехотя, уже не отвлекаясь на консультации со своими помощниками. По тональности вторая половина пресс-конференции напоминала дружескую беседу: девушки спрашивали о семье, хобби и приоритетах в отношении к искусству и литературе. Как напишут завтра городские газеты, кандидат на пост мэра Константин Лесневский «показался милым, внимательным, и целеустремленным человеком, который всегда знает, чего хочет и как этого добиться».

Когда помощник бизнесмена собрался объявить мероприятие закрытым, со своего места вновь поднялся Вася Стручков.

– Извините, Константин Палыч, еще один вопрос. Лесневский нахмурился.

– Хорошо, но это последний на сегодня.

Стручков включил диктофон.

– Скажите, вы всерьез полагаете, что можете победить?

Команда Лесневского шумно выдохнула.

– Молодой человек, – сказал бизнесмен, – я считаю, что победит достойный. Давайте подождем выборов, тогда и поговорим. Все, спасибо за внимание, господа. До встречи!

Народ начал расходиться.

В VIP-гостиной Центра делового сотрудничества Лесневский расслабился. Уселся в огромное мягкое кресло и закинул ногу на ногу. В соседних креслах и на большом кожаном диване расположились адъютанты. Достали по сигарете, задымили.

– Андрей, – обратился Лесневский к тому, что сидел ближе всех, – как там с вашим гениальным планом?

– В ожидании.

– Чего ждем?

– Решения директора. Думаю, что он согласится. Кстати, и Трофимов доложил, что у него все в порядке.

Лесневский взял со стола бутылку с минеральной водой, сделал несколько глотков и как бы между делом заявил:

– Уволю всех к чертовой матери, если ваша авантюра провалится. Сомневаюсь, что вы потом найдете работу по специальности.

Андрей Нестеров промолчал.

Глава 5

Нельзя сказать, что Вадим волновался перед столь ответственной, по его мнению, встречей. У него ничего не просили, он ничего не должен был сделать или сказать. Его просто пригласили посидеть-покалякать, но Вадиму все равно не хотелось ударить в грязь лицом, ему хотелось произвести хорошее впечатление.

На вахте его не пустили. Бойкая старушенция, сидевшая в стеклянной кабинке, выскочила к турникету и вытянула руки в стороны.

– Куда идем?

– На третий, на «Пилот».

Вадим попытался прошмыгнуть мимо, но обойти эту тетку было так же сложно, как трамваю объехать зазевавшегося пешехода.

– У тебя пропуск есть?

– Нет.

– Ну тогда и не пушу. Воскресенье, девятый час, нету в здании никого. Без пропуска нельзя.

Вадим в замешательстве почесал затылок. Опаздывать он не любил, даже если опаздывал не по своей вине.

– А какой пропуск у меня должен быть? – спросил он растерянно.

– Обычный, как у всех. Если без пропуска, то нам должны

были оставить заявку, что придет такой-то и во столько-то. Вот ты кто?

– Я Вадим Колесников.

Бабка, не меняя выражение лица и интонацию голоса, заявила:

– Есть такой. Чего молчал?

Парень пожал плечами. В самом деле, почему он не сказал сразу?

Вахтерша освободила проход. Она только заметила напоследок, что шарахаться до полуночи туда-сюда не позволит, даже если ей сунут под нос десяток пропусков и заявок на посещение.

Вадим поднялся на третий этаж, попал в небольшой холл, погруженный в полумрак дежурного освещения. Остановился перед металлической дверью, украшенной гигантской табличкой с надписью «Радио Пилот». Программный отдел». В самом низу было указано время работы: с 9 до 18 часов. Вадим взглянул на часы.

– Заходи, заходи, – услышал он голос за спиной и чуть не вскрикнул от неожиданности. К нему со стопкой посуды в руках направлялся Глеб. – Чего остановился? Я тут кружки мыл в туалете. Секретарши в выходные нет, а у меня гора грязной посуды скопилась. Открывай, а то руки заняты.

Вадим открыл массивную дверь, пропустил вперед начальника и прошел сам, неуверенно осматриваясь.

Офис «Пилота» представлял собой вытянутое в длину по-

мещение со стеклянными перегородками. В каждом «аквариуме» размещалось одно из подразделений станции. Слева от входа возвышалась стойка офис-менеджера. Вадим отметил, что она, пожалуй, будет повыше стойки бара.

Глеб поставил на нее свою посуду, встряхнул руками.

– Пойдем, – сказал он, – покажу, как мы живем.

Он подвел гостя к первому «аквариуму». Дверь была открыта настежь, а внутри из-за горы аппаратуры торчала чья-то лохматая голова.

– Вот это у нас производственная студия, так называемый «продакшн». Здесь пишутся рекламные ролики, программы, клепаются вообще вся музыкальная и звуковая продукция. А там у нас сидит Паша, наш оператор и звукорежиссер, которому даже в выходные не сидится дома. Паша, покажи личико!

Лохматая голова взметнулась вверх. Оператор оказался высоким и скуластым парнем лет двадцати с небольшим.

– Здравсьте, – сказал он.

– Не отвлекайся, работай. – Глеб пошел дальше. – Вот тут, в закуточке – столовка, тут мы, бывает, обедаем и даже ужинаем.

Столовая пристроилась в углу, чуть дальше за стойкой офис-менеджера. Жалюзи темно-коричневого цвета прятали от любопытных глаз столик, две кушетки и холодильник с микроволновой печью. Окон в «столовой» не было.

Глеб пошутил:

– Захочешь водки попить – приноси сюда, поможем, и никто не увидит.

Вадим все это время молчал, и лишь на упоминании о водке с улыбкой хмыкнул.

Глеб провел его в дальний конец офиса, открыл дверь в очередной «аквариум».

– Тут у нас эфирка... эфирная студия, то есть. Вещание идет отсюда.

Студия пустовала. Вадим огляделся с немим благоговением. У стола, на котором, кроме микшерского пульта и двух плоских мониторов, были наставлены небоскребы всякой аппаратуры, скучал стул на колесиках, на его спинке висели наушники. В колонках тихо наигрывал на гитаре Гэри Мур.

– Время позднее, – пояснил Глеб, – в воскресенье по вечерам у нас ди-джеи не работают, вещание идет без ведущего. Пашка со сменщиками следит за эфиром, чтобы ничего не грохнулось, но скоро мы поставим программу, которая позволит нам всем в конце рабочего дня валить домой.

Он жестом предложил Вадиму подойти поближе. Тот шагнул к столу, очень внимательно все осмотрел.

– Ну как?

– Годится, – улыбнулся Вадим.

– Ну, тогда пошли ко мне.

По дороге Глеб указал на столы с компьютерами в одном из незапертых помещений и сообщил, что там работают симпатичные девочки из информационной службы, самой неза-

висимой из всех независимых в городе.

– Они тебе понравятся, особенно Манька.

В кабинете директора Вадим не сразу решился присесть. Пока Глеб не подтолкнул его в спину, он так и стоял перед стулом, глядя на работающий вентилятор.

– Расслабься, – велел Шестопалов. – Кофе или чай?

– Кофе. – Вадим все-таки присел. Пока Глеб возился с чайником и банкой «Нескафе», он рассматривал кабинет. Разумеется, первыми в поле его зрения попали стопки упаковок с шестопаловской книгой.

– Они самые, – бросил хозяин. – Тысячи четыре с хвостиком, как я и говорил. Честно сказать, не соображу, что с ними делать. «Роспечать» ссылается на перебор с ассортиментом, оптовики говорят, что вообще не сезон: дескать, люди сейчас на югах баклуши бьют, а ты гундишь о личностном росте.

– Это бывает, – произнес Вадим.

Глеб на мгновение оставил в покое банку.

– Слушай, – сказал он, – я пригласил тебя попить кофе и поболтать, поэтому не смотри на меня как на премьер-министра. Будь проще. Я думаю, ты не намного моложе меня. Скока тебе?

– Двадцать восемь.

– Я где-то так и подумал. Взрослый человек, сам на жизнь зарабатываешь и так далее, поэтому не коси под кисейную барышню.

Глеб налил воды в чайник, нажал на кнопку и сам наконец уселся в свое начальственное кресло.

– У нас тут вообще все просто, – сказал он, закуривая. – Я строю свои отношения с людьми на партнерских началах. Придумал что-нибудь хорошее – пришел и сказал мне, а я одобряю или отвергаю. Если я обидел незаслуженно – опять пришел ко мне. Заработал – получи, сляжал – не получишь.

– А проблем из-за этого не возникает?

– Каких?

– Ну, ты ж все-таки не собутыльник, а начальник, которого следует слушаться.

Шестопалов покачал головой.

– Не вынуждай меня говорить банальности.

Вскипел чайник. Глеб налил кипятка в обе чашки, одну из них придвинул гостю.

– Ладно, это все лирика, – бросил он, усаживаясь на место. – Я не об этом хотел поговорить.

Он открыл ящик стола и вынул компакт-диск. Вадим подобрался, словно котенок, учуявший собаку.

– Мне твой диск понравился, – сказал Глеб. – Могу предложить включить пару песен в ежедневную ротацию на «Пилоте». Для начала на месяц-два. Как тебе мое предложение?

Вадим чуть не пролил кофе на штаны. Стараясь скрыть охватившее его волнение, он принялся размешивать напиток ложечкой. Глеб смотрел на него с небрежным любопытством.

– Бесплатно? – решился поинтересоваться гость.

– Разумеется. А где с тебя брали деньги за это?

– Не брали, но просили. По пятьсот рублей за один эфир.

Я не дал.

Глеб покачал головой.

– Мать их... Правильно сделал, что не дал.

– Так-то оно так, но меня и не крутили.

– Это не страшно. Если музыка хорошая, кто-нибудь ее обязательно возьмет и бабкок при этом не попросит. Я, конечно, с «Русским радио» конкурировать не смогу, но кое-что и в моих силах. Кстати, на «Русском» ты бы без штанов остался. Грустно, но факт: в нашей стране платят исполнители, а не наоборот.

Глеб перевернул диск, пробежал глазами список песен.

– Так, Вадик, я бы выбрал сначала вторую, а потом пятую дорожку. Согласен?

Вадим кивнул, и снова кофе чуть не украсило его брюки мерзким коричневым пятном.

Глеб поднялся, вышел из-за стола и, не говоря ни слова, покинул кабинет. Вадим в его отсутствие помешивал ложечкой остывающий кофе и рассматривал стопки книг, аккуратно упакованные в плотную бумагу, перевязанные бечевкой. Вадим любил книги. Иногда его даже не волновало, о чем там пишут и насколько это профессионально, он просто обожал этот запах, цвет бумаги, этот соблазн перевернуть страницу...

Вернулся Глеб.

– Поздравляю, – сказал он, – я широким начальственным жестом вставил твою песню в программу. Через двадцать минут пойдет.

Благодарный музыкант почти прослезился.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Шестопалов, – «спасибо» не звенит. Я тебе соврал, это не так уж и бесплатно.

Вадим отодвинул пустую чашку и сосредоточился.

– Я чем-то могу помочь?

– Надеюсь. – Глеб снова заглянул в ящик. Теперь на стол лег экземпляр его многострадальной брошюры. – Тебя за язык никто не тянул, когда ты сказал, что знаешь, как ее продать. Я весь внимание.

Вадим ответил не сразу. Он взял книгу в руки, осмотрел обложку. На синем фоне была нарисована волчья морда с оскаленной пастью, выше стояла фамилия автора, ниже – название книги. Обложка броская и в то же время ни к чему не обязывающая.

– «Убегающий волк» – это тот, что вроде бы не должен в лес убежать?

– Он самый.

Вадим открыл брошюру, бегло просмотрел первую главу, пару раз улыбнулся. Если бы он поднял глаза, то увидел бы, как автор сего труда пытается спрятать за пеленой сигаретного дыма свое волнение.

– Выглядит привлекательно, – вымолвил Вадим.

– Спасибо. Знаешь, я давно хотел написать что-нибудь подобное, еще с тех времен, когда за школьные сочинения пятерки получал. Мечта юности, так сказать...

Вадим заглянул в конец книги, посмотрел оглавление.

– Книга хорошая, – резюмировал он. – И я предложил бы тебе сделать одну вещь, но не знаю, пойдешь ли ты на это.

Глеб выдохнул.

– Я готов продать душу дьяволу, лишь бы эти стопки больше не валялись в моем кабинете.

Вадим приосанился.

– В общем, – начал он, – ты будешь смеяться, но я предлагаю порекламирровать ее в эфире...

Глеб даже не стал маскировать разочарование.

– Да рекламировали уже десятки раз! И рецензии положительные были, и ролики, и всякая мура. Ты пойми, мне не деньги вернуть нужно, а сон спокойный, потому что эта чертова книга на самом деле лучше, чем о ней думают!

– Ты не понял, – спокойно возразил Вадим. – Мы сделаем рекламу в эфире твоей станции, только текст будет мой и читать его буду я.

– Иии?... – затянул Глеб. – В чем прикол?

– Только в том, что я сказал.

– Понятно. У тебя кролик в рукаве?

– Нет.

Глеб начал теребить в руках пачку сигарет.

– Что-то я не пойму, – признался он уже более миролюбиво.

биво. – Ничего нового ты мне не предложил. Говори яснее.

– Хорошо. – Вадим положил руки на стол, развернул их ладонями вверх. – В тексте не будет каких-то наворотов, не будет никаких открытий, не известных тебе. Суть только в том, что текст прочту я...

Он умолк. Шестопалов не торопил.

– Понимаешь, Глеб, я просто предлагаю тебе довериться. Я могу гарантировать результат, и ты не будешь разочарован. Согласен, это как кот в мешке покупать, но хуже-то не будет, верно?

– Вообще-то, да. Хуже уже никак.

– Ну вот. Давай попробуем, а по результатам ты уже будешь сам решать, оправдал ли я твои ожидания.

– Давай, – нехотя согласился Глеб. – Хотя я все равно ничего не понял.

Вадим улыбнулся:

– И не надо.

Награда для измученных духотой горожан – благословенная вечерняя прохлада. Днем народ пропадал на пляжах, а вечером оккупировал проспекты и улицы, топтался возле пивных ларьков и магазинчиков, где были замечены огромные холодильники с «кока-колой». Трофимов с удовольствием бы пропустил бутылочку-другую живительной пивной влаги, но он сегодня за рулем.

Руль был изрядно потрепанный. Впрочем, как и весь ав-

томобиль. Неделию назад трофимовской «семерке» поставили новые крылья взамен старых, проржавевших за время долгой стоянки в протекающем гараже, и теперь белая консервная банка зияла черными висками. Однако Павел Владимирович не особенно переживал, поскольку был уверен, что скоро у него будет возможность сменить марку авто. Он хотел купить что-нибудь подержанное импортное, года эдак девяносто девятого. Не «крутой хмырь», конечно, но уже и не бывший советский инженер, заработавший за свою жизнь лишь скудную пенсию. Обеспеченная старость – сладкий приз на финише марафона.

Трофимову хотелось верить, что все получится. Хоть и пытались его отучить от этой вредной привычки, хоть и доказывали, что счастье – продукт скоропортящийся, и уж лучше довольствоваться усредненной амплитудой, чем взлетать на пик, а потом катиться вниз, ломая ребра. Пал Владимыч знал, что мечты сбываются, а цели можно достигнуть, если проявить упрямство. Не упорство, нет – именно упрямство. Осёл все равно сожрет охапку травы и пойдет по своим делам, как бы над ним ни смеялись и как бы ни дубасили.

Однако существовала вещь, которая бывшего советского инженера смущала: он хотел, чтобы финишной чертой всё и закончилось. Он не принадлежал к числу безумцев, не способных остановиться после выигрыша в казино. Получил – отвалил, только так. Если принять на веру, что крупная удача – это пик, то лучше скатиться вниз по противоположному

склону мягко, оберегая ребрышки и не жалея задницу. Она толстая, все стерпит и простит.

Авантюра, которую затеял Трофимов, имела все шансы стать успешной, но когда дело выгорит, надо сворачивать-ся и уходить. Однако в спокойный и незаметный уход автор авантюры не верил. Лесневский с самого начала отнесся к затее скептически, более того, даже посмеялся и велел своим людям заниматься делом, а не валять дурака, но Трофимов смог его убедить. Лесневский рискнул. Когда выяснится, что риск себя оправдал, этот губошлепнутый фармацевт потребует добавки, и аппетит у него, судя по началу, просто нечеловеческий. Что делать тогда?

Черт бы с ним, с этим хапугой, но вот парень Павлу Владимировичу нравился. Насядут они на него.

В машине у Трофимова звучало радио «Пилот». С некоторых пор он слушает только эту волну. Кто бы знал, насколько это тяжело!

Трофимов все же притормозил возле ларька. Оставив машину у тротуара, потолкался в толпе, купил бутылку холодного кваса и прихватил местную газету, которую распахивал прохожим молодой человек с сумкой на плече. Газета называлась «Горожане». На первой полосе красовалась физиономия действующего мэра Попова, а под ней была напечатана огромная статья о крупных успехах и мелких неудачах в работе администрации. Это поповская газета, поповская реклама и поповские обещания. Ничего нового он не сказал

и уже не скажет, потому что скинут его на предстоящих выборах, как котенка с обеденного стола. И через четыре года проходим будут всучивать точно такие же газеты, но уже с другой «мэрской» физиономией, и через восемь лет, и через двенадцать. Чудны дела твои, Господи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.